

05.3

Театр и искусство.

— XI-й годъ изданія. — 1907. —

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на

„Театръ и Искусство“

на годъ (съ 1-го января) 7 руб.,

на полг. (съ 1-го юля) 4 руб.

(Прилож.: ежемѣсячный журн. „Библиотека
Театра и Искусства“).

Отд. ЛМ по 20 к.

Объявл.—40 к. строка петита (въ 1/3 стран.)
позади текста, 50 к.—передъ текстомъ.

С.-Петербургъ. Гороховая, 4.

Телеф. 1669.

Адресъ для телеграммъ:

С.-Петербургъ. Театръ Искусство.

О городскихъ театрахъ. — О Театральномъ Обществѣ, Союзѣ и другихъ вопросахъ (продолженіе). *А. Кугель*. — Хроника. — Музыкальныя замѣтки. *И. Кнорозовскаго*. — „Не то“. *А. Ростиславова*. — Изъ Москвы. *Н. Эфроса*. — Замѣтки Профана. *Профана*. — Письмо въ редакцію. — Маленькая хроника. По провинціи. — Новыя изданія „Театра и Искусства“. — Провинціальная лѣтопись. — Объявленія.

Рисунки и портреты: Я. В. Орловъ-Чужбининъ, О. З. Сусловъ въ госпиталѣ, Сара Бернаръ, спящая въ гробу, Тилли Киненъ, „Черныя вороны“ (2 рис.), † А. А. Ярцевъ, „Въ балетной школѣ“, „Поклонникъ таланта“, „Пелеасъ и Мелисанда“, Вишневицкій—Царь Борисъ (шаржъ).

Приложеніе: „Библи. Т. и Ис.“, кн. X. Не приспособились. (Карт. изъ прошлаго). Посмертный рассказъ О. Поповой. (Окончаніе). Кое-что о соврем. японской и кит. музыкѣ. *А. Асламова*. Объ элементахъ рѣчи (Оконч.). *Сладкотопцева*. Психологія моды. Очеркъ *В. Фреда*, перев. *В. Лачинова*. (Продолженіе). „Очень просто“. Ком. въ 1 д. *В. Рышкова*. „Пробужденіе весны“. (Дѣтская трагедія). *Фр. Ведекинда*. Перев. *Ел. Кугель*.

Контора журнала высылаетъ всѣ новинки (печатн., литогр. и рукописи.)

Послѣднія изданія „Театра и Искусства“.

„Религія красоты“, (Общество улучшенія человѣческой породы), въ 5 д. *Фр. Ведекинда* пер. *Ел. Кугель*. Ц. 2 р. комплентъ ролей 4 руб.

„Розы“, трилогія Зудермана 1. „Марго“, 2. „Послѣдній визитъ“. 3. „Даленая принцесса“, готовится къ печати.

„Порядочные люди“. Этюдъ въ 5 карт. *К. Острожскаго* (Репер. СПб. Малаго т.) рук. ценз. 6 руб. Роли 4 руб.

„Соперница“, въ 4 д. *Кистемекерова* и *Делара*, пер. *В. Томашевской*, ц. 2 р.

„Богатая мать“ (Профессія *М-соъ Варрель*), Шау, пер. *Вейконе*, ц. 2 р.

„Черныя Вороны“, *В. В. Протопопова*, въ 5 д. ц. 2 р., роли 4 р.

„Пробужденіе весны“, *Ф. Ведекинда* пер. *Елены Кугель* ценз. экз. 2 р. 50 к. Компл. ролей 4 руб.

„Дѣльцы“, *И. Колышко*, цѣна 2 р. Компл. ролей 4 руб.

„РАФЛЬСЪ, ВОРЪ-ЛЮБИТЕЛЬ“, ц. 2 р. Комп. рол. 4 р.

„Безпечальные“ („Волна“), въ 4 д. *В. Рышкова*, ц. 2 руб. Компл. ролей 4 р.

„Г-жа адвокатъ“ к. въ 1 д. *Лядиной-Бѣляевой*, 60 к.

„Вейгандъ“, въ 4 д., перев. *А. Ремизова*, ц. 2 р. (Репер. Александр. театра).

„Война“, въ 4 д. *Беренкова*, ц. 2 р. Компл. ролей 4 р.

„Въ цѣпяхъ“, въ 3 д. *Віе* перев. *В. Томашевской*, ц. 2 руб.

„Его домъ въ порядкѣ“, въ 4 д. *А. Пиперо*, перев. *О. Н. Поповой*, ц. 2 руб.

„Воръ“ *Берштейна*, перев. *Потапенко* (м. 4, ж. 2), ц. 2 р. Компл. ролей 4 руб.

„Чортушка“ въ 4 д. *А. Амфитеатрова*. Рук. ценз. ц. 6 р. Компл. ролей 4 руб.

„Пасынки жизни“ пьеса въ 4 дѣйств. изъ еврейской жизни. *Д. Венарье*, к. 2 р.

„Въ сумеркахъ разсвѣта“, въ 4 д. *В. Гейора*, ц. 2 р.

„Братья-Мойжыши“ въ 4 д. *Л. Л. Толстого*, ц. 2 р. Компл. ролей 4 руб.

„Честный человѣкъ“ (безъ разр.), ц. 2 р. Компл. ролей 4 р.

„Хаосъ“ (безъ разр.), ц. 2 р.

„ЭЛЕКТРА“, *Гейманстала*, перев. *О. Чуминой*. Цензурованный экземпляръ 3 руб.

„Сыщикъ Лекоуль“, въ 5 д., ценз. рукоп. экз. цѣна 6 руб.

„Местъ Моріани“, цензур. рукоп. экз. ц. 5 руб. „Жизнь человѣка“, *Л. Андреева*, ценз. экз. ц. 3 р. 50 к.

№ 43.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 28 ОКТЯБРЯ.

ВЪ КОНТОРЪ ТЕАТРА и ИСКУССТВА
ПРОДАЮТСЯ ПЬЕСЫ:

Ф. ВЕДЕКИНДЪ.

„МУЗЫКА“

очеркъ современныхъ нравовъ въ 4-хъ д.
Переводъ Оскара Норвежскаго.
(Реперт. Петербург. театра „Н. Д. Красова“
(мужск. 3, женск. 2) цѣна 2 р., цена. 4 р.)

„ТАЙНА ДВОЙНИКА“

драма въ 4 д. по роману Стівенсона пер.
съ англ. М. А. Потапенко.
Рукопис. цена. 5 р. (простой 3 р.)

„МОЯ РОДИНА“,

пьеса въ 5 д. Л. Л. Толстого.
Реперт. театровъ Корна и СПБ. Малаго)
ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ. Цѣна рукопис.
5 р., цензур. 7 руб. 3—2

Въ театр. библиот. СПБурга и Москвы

„ПРОКУРОРЪ“

др. въ 4 д. Е. Шюлера, перев. П. Нем-
вродова, ц. 1 руб. 50 коп.
Довз. безусловно. Прав. Вѣсти. 1907 г.
№ 226.

ТЕАТРЪ

Товарищества драматическихъ артистовъ
подъ управленіемъ

А. А. САНИНА.

(Новый театръ, Мойка 61).

== ЕЖЕДНЕВНО ==

„ЭЛЕКТРА“ и „СМЕРТЬ ТИЦ-
АНА“ Гофмансталя.

Главный режиссеръ А. А. Санинъ.

Режиссеръ Н. А. Шухминъ. Завѣдующій
сценой художникъ Л. А. Лейфертъ. Проекты
декорацій, эскизы костюмовъ, мотивы гримовъ
худож. С. И. Павлова. Декорація, костюмы и
бутифорнія работы мастеровъ А. и Л. Лей-
фертъ.

Касса открыта ежедневно съ 10 час. утра.
Товарищество покорѣнне проситъ публику
закрывать касса до начала спектакля.
Представитель товарищества Н. С. Тимонинъ.

МОСКВА.

НОВЫЙ ТЕАТРЪ

С. И. ЗИМИНА.

ОПЕРА. СПЕКТАКЛИ ЕЖЕДНЕВНЫЕ.

СОСТАВЪ ТРУППЫ:

Сопрано: г-жи Врунь, Германъ, Генгроссъ,
Добровольская, Истомина, Карпантъе, Люце,
Милова, Михайлова, Норская, Петровская, Ом-
чесская, Свищкая, Старостина, Цѣткова; Мец-
цо-сопрано: г-жи Гедике, Десанин, Лебедева,
Лелина, Мышечкая, Петрова-Званцева, Поло-
зова, Ростовцева; Тенора: гг. Волгинъ, Дубро-
винъ, Зинковъ, Карелинъ, Каренинъ, Кар-
женинъ, Кольцовъ, Пископъ, Севастьяновъ; Ба-
ритоны: гг. Вочаровъ, Вѣжковъ, Гаринъ, Горскій,
Каміонскій, Оленинъ, Соловьевъ, Чугуновъ,
Шидловскій; Басы: гг. Волгинъ, Донецъ, Нико-
лаевъ, Осиповъ, Трубинъ, Урухановъ, Шапо-
валовъ; Капельмейстеры: Паликинъ, Палице,
Буке, Златинъ; Зав. худож. част. г. Олейникъ;
Режиссеръ: г. Ивановскій; Суфлеръ: г. Го-
воровъ; Концертмейстеры: г. Коцальникъ;
Хормейстеры: гг. Франкетти, Буке; Балет-
мейстеры: г. Франческо-Луиджи; Декораторы: г. Маторинъ.

РЕПЕРТУАРЪ.

Кромѣ оперъ, поставленныхъ въ прошлыхъ
сезонахъ, еще: „Салдриллона“, „Свадьба Фигаро“, „Сказки Гофмана“, „Ночь подъ Рождество“, „Рипъ-Рипъ“, „Гасконецъ“, „Цапель изъ Палермо“, „Придворный дуракъ“, „Олимпия и Вавила“, „Царь-Плутникъ“, „Дитя-Василискъ“, „Сафо“, Труппа М-ше Жюлиеръ: „Царь Белоръ Ивановичъ“, „М-ше Бутерфляй“, „Колоколъ Пуштинника“, „Проповѣдникъ“, „Фигляръ“, „Скоморохъ“, Балетъ „Фея-куколь“, „Въ Вѣнь“, „Шампанское“, „Императрица“, „Маледетта“.

СПБ. Театры Городского Попечительства о народной трезвости.

Театръ Народнаго Дома ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II.

Въ Воскресенье, 28-го Октября въ 1 часть дня: „ВОКРУГЪ СВѢТА“, въ 5 час. вечера: „ЗА ЧѢМЪ ПОЙДЕШЬ, ТО И НАЙДЕШЬ“, ком.; въ 8 час. вечера: „СЕВИЛЬСКІЙ ЦИРЮЛЬНИКЪ“, оп.—29-го: „ВІЙ“, др. сказ.—30-го: „ФАУСТЪ“, оп.—31-го: „ПОКОРЕННАЯ КАЗАНЬ“, ист. пьеса.—1-го Ноября: „КАРМЕНЪ“, оп.—2-го: „ВТОРАЯ ЖЕНА“.—3-го: „НЕРОНЪ“.—4-го, въ 1 часть дня: „ЧАРОДѢЙКА“, тр.; въ 5 час. вечера: „БѢДА НЕ ХОДИТЬ ОДНА, драма; въ 8 час. вечера: „ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ“, оп.

ОБЩЕДОСТУПНЫЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ. (Бывшій Стекланный заводъ).

Въ Воскресенье, 28-го Октября: „БѢДА НЕ ХОДИТЬ ОДНА“, др.—31-го: „ТРА-
ВІАТА“, оп.—4-го Ноября: „ШЕРЛОКЪ ХОЛМСЪ“, пьеса.

Театръ зимній „БУФФЪ“

(Панаевскій театръ) Адмиралтейская наб., 4. Телеф. 19—58. Дирекція П. В. Тумпакова.

РУССКАЯ ОПЕРЕТТА, ком. ОПЕРА, ФЕЕРІЯ и БАЛЕТЪ.

Репертуаръ: „ТОРРЕАДОРЪ“, „ВЕСЕЛАЯ ВДОВА“, „МАКСИМИСТЫ“.

Главные роли исполняютъ: г-жи Вагнеръ, Варламова, Гвоздецкая, Раисова, Шувалова; гг. Валичъ, Коржковскій, Копеевскій, Михайловъ, Молотовъ, Токмарскій.

== ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ. ==

Гл. режиссеръ: А. А. Брянонъ.

Гл. капельмейстеръ В. І. Шпаценъ.

ЕКАТЕРИНИНСКІЙ ТЕАТРЪ.

(Екатерин. кан. 90. Тел. 257—82). Сезонъ 1907—8 гг. Дирекція Н. Г. Сѣверскаго.

Составъ труппы: Г-жи: *Руса Нордстремъ, Ф. П. Баранская, С. Л. Свѣтлова, Е. В. Лучезарская, Д. И. Гамалей, Е. А. Дальская, О. В. Востужева, Е. А. Савранская, Н. С. Пер-
редапъ Е. М. Роговская, М. Н. Милоская, Е. П. Де-Горнъ и др.* Г-и: *Н. Г. Свѣрскій, В. Я. Грѣховъ, Н. В. Глуминъ, Л. Г. Мираевъ, А. П. Долнъ, Ю. С. Морфессо, М. Н. Ворченко, В. П. Ландратъ, В. И. Лукашевичъ, М. Т. Дарьязъ, А. В. Рахитинъ, Л. В. Орлицкій, В. И. Свѣтупенъ и др.*

Гл. Режиссеръ Н. Г. Сѣверскій. Режиссеры И. А. Чистяковъ, Г. В. Пиневскій, Суфлеръ А. А. Иваненко. Гл. Капельмейстеръ А. К. Паудъ. Капельмейстеръ Ад. Турнеръ. Балетъ Н. А. Чистякова. Хоръ 40 чело. Оркестръ 82 чел.

== ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ. ==

Репертуаръ: „Жизнь человека“, „Вандиты“, „Рай Магомета“, „Золотой мѣшокъ“ и др.

ТЕАТРЪ „НЕВСКІЙ ФАРСЪ“

IV-й СЕЗОНЪ. (Невскій, 56, домъ Гр. Гр. Елисѣева). ТЕЛЕФОНЪ № 68-36

ВЕСЕЛЫЙ ЖАНРЪ: фарсъ, обаяніе, комедія, водевилъ, шутка
и пр., подъ главнымъ режиссерствомъ В. А. Казанскаго.

Составъ труппы: Е. А. Мосолова, В. Ф. Валентина-Линъ, С. П. Губеръ, М. Г. Сарохтина, А. В. Адашева, В. Н. Худяковъ-Корещкая, К. И. Яковлева, С. П. Волгина, В. И. Зичи, В. Г. Тор-
ская, М. М. Нильская, Ф. И. Забѣла, Мартенсъ, Орская, Волховская, Евдокимова, Лы-
новская, Васильева, Валина, Линдъ-Грейтъ, Старковская; гг. А. А. Смоляковъ, В. А. Казанскій,
М. И. Разсудовъ, В. Ю. Вадимовъ, В. А. Демертъ, В. М. Петина, С. В. Юреневъ, П. М. Никола-
евъ, В. М. Майскій, А. П. Ростовцевъ, Суринъ, Курскій, Мишинъ, Агрянскій, Ленскій-Сам-
борскій, Липатевъ, Невзоровъ, Брянский, Геккеръ, Вѣловъ и мн. др.

== ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ. ==

Начало въ 8¼ ч. веч.

Касса открыта ежедневно съ 11 ч. у. до 8 ч. веч.

Отвѣтственные режиссеры В. Ю. ВАДИМОВЪ и Г. А. СМОЛЯКОВЪ. Режиссеръ Л. А. ЛВОНТЬЕВЪ. Суфлеръ М. Г. СКВОЗНИКОВЪ. Художникъ-декораторъ М. Г. БУТОВЪ.

Вышелъ и разсылается № 1-й
журнала:

„ПЬЕСЫ и РОЛИ“.

Театральный вѣстникъ книгоиздательства
библіотеки С. О. Разсохина. 24 №№ въ годъ.
Подписная цѣна съ 1 Октября 1907 г. по 1
Октября 1908 г. съ доставкой и пересылкою
2 руб. 1-й № высылается, для ознакомле-
нія, бесплатно. Москва, театральная библи-
отека С. О. Разсохина. 2—1

„ПЕТЕРБУРГСКІЙ ТЕАТРЪ“

(Бывшій НЕМЕТТИ). Сезонъ 1907—8 года.

28, 29, 30 и 31 октября: „Черные
вороны“, В. Протопопова.

Цѣны мѣстамъ: отъ 3 р. 50 к. до 40 к. Разъ въ не-
дѣлю общедоступные спектакли, каждое опреде-
ленное номерованное мѣсто по 50 к. Периоди-
чески—спектакли по возвышеннымъ цѣнамъ
отъ 1 р. и выше.

Начало вечернихъ спектаклей ровно въ 8 ча-
совъ, утреннихъ въ 1 часть дня.
Касса театра открывается отъ 12 ч. д. до 7 ч. в.
Дирекція Н. Д. Красова.

Репертуаръ Императорскихъ С.-Петербургскихъ театровъ

съ 29 октября по 5 ноября.

Въ Александринскомъ театрѣ. 29-го октября: „Дѣло“, 30-го: Въ 1 разъ. „Ко-
роль“, 31-го: „Король“, 1-го ноября: „Маленькій Эиольфъ“. Раскольниковъ и Порфирій
Петровичъ. 2-го: „Скупъ“, 4-го: „Гроза“.

Въ Мариинскомъ театрѣ. 29-го октября: „Кавказскій плѣнникъ“, 30-го: „Жизнь
за Царя“, 31-го: „Голубая георгина“, бал. „Фея куколь“, бал. 1-го ноября: „Кав-
казскій плѣнникъ“, 2-го: „Лоэнгринъ“, 3-го: концертъ А. Зилоти, 4-го: утроемъ: „Ру-
сланъ и Людмила“, вечеромъ: „Эсмеральда“.

С.-Петербургъ, 28-ю октября 1907 года.

Мы находимся наканунѣ новыхъ арендъ на многіе городскіе театры. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы еще разъ обратить вниманіе городскихъ управленій на положеніе нашихъ городскихъ театровъ. Городской театръ нельзя разсматривать, какъ доходную статью, ибо въ такомъ случаѣ, несомнѣнно, съ чисто финансовой точки зрѣнія выгоднѣе строить какой-нибудь заводъ или просто доходный домъ, нежели театръ.

Намъ пишутъ, напримѣръ, изъ Одессы, что въ театральной комисіи на-дняхъ обсуждался вопросъ о сдачѣ городского театра на будущій годъ, причемъ рѣшено сдѣлать вызовъ антрепренеровъ и напечатать объ этомъ объявленія въ русскихъ и заграничныхъ (?) газетахъ. „Заграничныя газеты“—это, очевидно,—дань не старѣющей любви къ италіанской оперѣ. Каковы, однако, условія сдачи одесскаго театра?

Нынѣшній антрепренеръ, В. И. Никулинъ—человѣкъ, такъ сказать, дерзновенный. И пожалуй, точно, надо нѣкоторое дерзновение, чтобы платить 250 руб. отъ спектакля. Не только оперѣ, при такой арендной платѣ мудрено существовать, но и драмѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, даже при 22,000 р. валового сбора за истекшій сентябрь, антреприза, по словамъ одесскихъ газетъ, потерпѣла дефицитъ! Трудно понять, чѣмъ руководствовалась старая, такъ называемая „прогрессивная“ комиссія, увеличивъ по-спектакльную плату со 109 р. (въ прошломъ году) на 250 р. (въ этомъ году). Если къ этому добавить, что и на вѣшалки набавлена плата на сумму около 9000 р. въ годъ, то невольно приходишь къ заключенію, что прогрессивная комиссія интересовалась, главнымъ образомъ, прогрессивнымъ увеличеніемъ налога на театръ.

При такой рѣзкой тенденціи взять съ театра возможную дань, не ясно ли, что должно, и не мало, страдать „чистое искусство“? Одинъ изъ гласныхъ выразилъ сожалѣніе, зачѣмъ не ставится Островскій. Вполнѣ сочувствуемъ его заявленію. Но требуя классическаго репертуара, имѣетъ ли право дума быть такой требовательной и относительно платы? Г. Никулину везетъ: онъ дѣлаетъ до 900 руб. на кругъ. Когда приходится брать такую сумму, тутъ уже не до Островскаго. Мы полагаемъ, что городскія управленія могутъ и обязаны повысить свои требованія относительно художественной постановки дѣла. Они должны были бы вмѣшаться, въ интересахъ демократизаціи театра, и въ расцѣнку мѣстъ. Но одновременно они должны понизить свои финансовые претензіи къ антрепренерамъ. Въ театрѣ—не сельдяной „буянъ“, и не заливной лугъ, на которомъ всѣ косцы равны другъ другу.

Напоминаемъ нашимъ читателямъ, что на воскресенье, 28 октября, назначено продолженіе общаго собранія Театрального Общества для разсмотрѣнія проекта измѣненія устава. Надѣемся, что „абсентеизмъ“ членовъ Т. О. не приметъ „грозныхъ“ размѣровъ. Въ тоже время пользуемся случаемъ указать на то, что было бы крайне желательно сосредоточить пренія на главныхъ вопросахъ. Иначе—дѣло затянется, и дальнѣйшее продолженіе собранія пройдетъ при минимальномъ количествѣ членовъ.

О Театральномъ Обществѣ, Союзѣ и другихъ вопросахъ.

II.

Уставъ Союза вырабатывался довольно многочисленной комиссіею. Предсѣдательницею была В. Ф. Комиссаржевская, которая, однако, черезъ два-три засѣданія отказалась отъ обязанностей, и предсѣдательство перешло ко мнѣ. Съ первыхъ же шаговъ весьма рѣзко опредѣлились основныя теченія, которыя хотя отъ „столкновенія мнѣній“ временно сглаживались, но совершенно слиться не могли. Не только въ качествѣ предсѣдательствовавшего, но и по складу своего характера и убѣжденія, я старался примирить противоположныя взгляды. Одни хотѣли Союза, какъ полнаго противовѣса Театральному Обществу, совершенно независимаго и самостоятельнаго. Но хорошо понимая несовершенства устава Театрального Общества и юридическую, такъ сказать, его зыбкость, я все же чувствовалъ, что безъ „помочей“, сразу, младенецъ не поидетъ, и возлагалъ всѣ надежды на медленную эволюцію актерской самостоятельности подъ сильнымъ покровительствомъ Театрального Общества. Второе существенное разногласіе было по поводу состава членовъ Союза. Что отборъ нуженъ—съ этимъ соглашались почти всѣ. Но какой отборъ? Тутъ приходилось наблюдать самыя пестрые оттѣнки мнѣній—отъ крайняго аристократизма (В. П. Далматовъ, К. В. Бравичъ) до самаго крайняго демократизма (покойный Н. Г. Шумовъ, одинъ изъ честнѣйшихъ и убѣжденнѣйшихъ людей, какихъ я въ своей жизни встрѣчалъ). Между крайностями были представители аристократическаго подбора особаго рода, какъ С. А. Свѣтловъ, который, хотя, быть можетъ, и не столь отчетливо формулируетъ свои мысли, считалъ Союзъ, главнымъ образомъ, учрежденіемъ для испытанныхъ профессионаловъ. Любопытствующіе могутъ познакомиться съ отчетами и протоколами комисіи въ №№ „Театра и Искусства“ за 1905 г. Могу засвидѣтельствовать только одно, что вопросъ объ учредителяхъ, т. е. о тѣхъ, которые должны составить ядро Союза, занималъ насъ очень сильно. Я не преувеличу, если скажу, что около трети нашихъ засѣданій ушло на дебаты по этому вопросу.

Наконецъ, необходимо отмѣтить третье теченіе, въ которомъ чувствовались, такъ сказать, проблески приближающагося социалистическаго урагана. Это—идея трудовой артели. Больше всего съ этой идеей носился А. В. Лейфертъ.

Теперь, оглядываясь назадъ, я вижу, что мы всѣ были, въ той или иной мѣрѣ, утопистами, и это, несомнѣнно, отразилось на уставѣ. Подобно тому, какъ дѣятели французской революціи полагали, что стоитъ примѣнить къ французамъ конца XVIII вѣка теорію „естественнаго человѣка“ и „соціального договора“ Руссо, и жизнь немедленно преобразится, и вчерашній рабъ своего и гражданскаго быта, станетъ вольной птицей, слагающею совершенно новыя пѣсни,—такъ и мы думали, что стоитъ учредить мѣстныя отдѣленія Союза, ячейки самоуправленія, какъ актеръ станетъ свободнымъ гражданиномъ. Внѣшняя стройность системы слишкомъ подкупала насъ. Актеръ развѣзжаетъ поэтому онъ безпрестанно организуется въ новыя и новыя отдѣлы. Съ каждою новою организаціею, онъ получаетъ новый урокъ гражданскихъ чувствъ. Онъ вы-

Репертуаръ Театрального
Общества
С.-Петербургъ, 1907 г.

бираетъ уполномоченныхъ. Но этого мало. Для серьезнѣйшихъ вопросовъ мы изъ конституціи швейцарской республики заимствуемъ референдумъ, т. е. обращеніе къ народу—къ актерскому народу, разумѣется.

Наконецъ, уставъ былъ выработанъ. Каковы-бы ни были его практическія погрѣшности, нельзя отрицать его полноты, законченности и технической стройности. Я полагаю, что дѣло Союза удалось-бы все-таки поставить на рельсы, если-бы не тотъ аллюръ, который приняло въ то время общественное движеніе, отразившееся и на подготовительныхъ дѣйствіяхъ по образованію Союза.

Во-первыхъ, была допущена ошибка—чисто тактическая—послѣднее образованіе такъ называемаго „товарищескаго объединенія“. Я упирался больше другихъ, находя, что не слѣдуетъ пускаться въ рискованные опыты. Въ концѣ концовъ, однако, сдался. Итоги—финансовые—оказались весьма плачевными. Въ кассѣ имѣлось около 200 руб., если не считать 3,000 руб., которые я съ В. П. Далматовымъ выпросили у А. И. Южина изъ „суммъ московскаго Литературно-Художественнаго клуба. Вторыхъ, началась эпоха митинговъ и профессиональных союзовъ, съ политической окраской.

Въ Петербургѣ образовался, послѣ цѣлаго ряда скандальныхъ исторій, „всероссійскій Союзъ сценическихъ дѣятелей“, оставшіяся, конечно, на бумагѣ. Причины, обусловившія неудачу этого Союза, были отчасти тѣ же (какъ читатели ниже увидятъ), что и причины, повредившія союзу, образованному въ Москвѣ, на основахъ нашего устава. Коренной вопросъ, повторяю, есть вопросъ объ учредителяхъ.

Въ Петербургѣ было такъ, что когда собравшіеся и единомышленныя сценическія дѣятели готовы были объявить Союзъ открытымъ и избрать правленіе,—въ залу засѣданія врывались непрошенныя группы, поднимали шумъ, требуя своихъ „гражданскихъ правъ“, и тогда наиболѣе солидные лица отстранялись, и первоначальное правленіе, отъ котораго-то и зависитъ все устройство дѣла, не могло быть избрано изъ желательныхъ элементовъ.

Въ Москвѣ повторилось то же. Прибывъ въ Москву, я сразу почувствовалъ какую-то странную атмосферу. Словно кто-то сѣялъ сѣмена смуты, бросалъ цвѣты зла и старался опорочить дѣятельность лицъ, которымъ Союзъ-то и былъ обязанъ своимъ возникновеніемъ. Въ комисіи большинство стремилось къ отдѣленію Союза отъ Театральнаго Общества. Это была крупнѣйшая ошибка. Быть можетъ, виноваты были и тѣ, которые, истощивъ всѣ доказательства въ пользу необходимости тѣснѣйшей связи этихъ учрежденій, понемногу сдались, вмѣсто того, чтобы просто отойти отъ дѣла, въ которое уже не вѣрили. Также виню я и себя, и другихъ единомышленниковъ, что не стояли съ нужною твердостью на почвѣ строгаго отбора для учредителей. Играя на демагогическихъ стрункахъ, постепенно расширили ряды учредителей, а ужъ въ общемъ собраніи гг. демагоги прямо кричали, какъ нѣкогда якобинцы публикѣ Конвента: „вы—всѣ учредители! вы—сами народъ, власть, источникъ разума!“ Лестъ толпѣ—вѣрное средство разложенія демократіи.

Я не останавливаюсь на „обидѣ“, которую толпа, обманутая лестью, нанесла намъ, членамъ комисіи и уполномоченнымъ отъ труппъ: въ концѣ концовъ, это дѣйствительно не важно. Но „обида“ эта свидѣтельствовала о томъ, что Союзъ попалъ во власть актерской черни, а чернь не создастъ и не сумѣетъ создать Союза артистовъ. А. Кугель.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ХРОНИКА.

Слухи и вѣсти.

— Министерство внутреннихъ дѣлъ, по департаменту общихъ дѣлъ, вноситъ въ Государственную Думу представленіе о выдачѣ въ 1908 г., по примѣру прошлыхъ лѣтъ, Театральному Обществу изъ средствъ государственнаго казначейства пособія въ размѣрѣ 10,000 рублей.

— „Полт. Гол.“ сообщаетъ, что А. К. Саксаганскій текущимъ сезономъ заканчиваетъ свою артистическую и антрепренерскую дѣятельность.

— 17 октября скончалась Л. Д. Зиновьева-Аннибалъ, жена поэта Вячеслава Иванова.

— О. Н. Чюминой присужденъ почетный отзывъ академіей наукъ за послѣднюю книжку ея стихотвореній („Новыя стихотворенія“) и за переводъ „Королевскихъ идиалл“ Теннисона.

— Товарищество артистовъ подъ управленіемъ А. А. Санина пополнилось новымъ членомъ, провинціальнымъ артистомъ А. А. Чаргонымъ.

— Въ концѣ ноября въ „Петербургскомъ театрѣ“ Н. Д. Красова идетъ пьеса д-ра Е. Безятова „Освѣтленные“, долго находившаяся подъ цензурнымъ запретомъ. Въ пьесѣ затрагивается вопросъ о мужскомъ цѣломудріи.

— С. П. Дягилевъ подписалъ договоръ съ дирекціей парижской Большой оперы о постановкѣ впервые во Франціи русскихъ оперъ. Въ маѣ пойдетъ „Борисъ Годуновъ“ съ участіемъ Шаляпина, Литвинъ, Собинова; въ октябрѣ „Садко“ съ участіемъ артистовъ парижской оперы. Вся постановка обѣихъ оперъ поручена русскимъ художникамъ. Директора Большой оперы выѣзжаютъ на будущей недѣлѣ въ Петербургъ.

— Постановка русскихъ драматическихъ спектаклей въ варшавскихъ правительственныхъ театрахъ, на время Великаго поста, поручена А. А. Плещееву, который формируетъ труппу.

— Г-жа Юлшина, какъ намъ сообщаютъ, выходитъ изъ состава труппы театра Коммисаржевской.

— Евг. Чириковъ закончилъ новую пьесу „Колдунья“.

— Первый мѣсяцъ антрепризы г. Дракули въ консерваторіи закончился, какъ намъ сообщаютъ, съ большимъ дефицитомъ. Вышелъ, между прочимъ, изъ состава труппы г. Фигнеръ, будто бы въ виду несогласія съ царящими тамъ порядками.

— Въ театрѣ „Буффъ“ возобновили оп. „Веселая вдова“ и „Максимины“, продолжающія дѣлать, какъ и „Торреадоръ“, полные сборы.

— На этой недѣлѣ въ Екатерининскомъ театрѣ идетъ новая оперетка „Жизнь человѣка“ соч. г. Гебена.

— Актеръ Малаго театра г. Шмидгофъ написалъ пьесу, имѣющую сюжетомъ революціонное настроеніе современной молодежи.

— Въ Петербургѣ, какъ намъ сообщаютъ, предполагается въ скоромъ времени учрежденіе Народной Академіи по образцу московской народной консерваторіи.

— Въ Спб. пріѣхалъ Шоломъ Ашъ. Свою новую пьесу „Давидъ“ онъ отдалъ труппѣ „Новаго театра“.

— „Бѣсы“ перед. гг. Буренина и М. Суворина по роману Достоевскаго до сихъ поръ для провинціи не разрѣшается. Также и пьеса „Король“ С. Юшкевича до постановки ея на Императорской сценѣ для провинціи не разрѣшается.

— „Figaro“ опровергаетъ появившіеся въ печати слухи о серьезной болѣзни Коклена-младшаго.

— Режиссеръ „Драматическаго театра“ Р. А. Унгерн-Штернбергъ является однимъ изъ претендентовъ по арендѣ Нижегородскаго городского театра. Онъ проситъ управу сдать ему театръ на 3 года.

— На этой недѣлѣ въ Александринскомъ театрѣ начались репетиціи пьесъ „Царь Θεодоръ Іоанновичъ“ и „Хорошенькая“.

— Извѣстіе о томъ, что артисты Императорскихъ театровъ г-жа Раевская и г. Ангаровъ были оштрафованы дирекціей за участіе въ клубныхъ спектакляхъ,—оказывается не вѣрнымъ. Распустилъ этотъ слухъ одинъ изъ клубныхъ антрепренеровъ, дабы имѣть предлогъ не занимать въ спектакляхъ артистовъ Императорскихъ театровъ, что онъ обязанъ былъ по контракту съ клубомъ.

— П. П. Невмродовъ написалъ оригинальную пьесу „Кандидаты“—сцены изъ жизни современнаго чиновничества въ 4 д.

— Комедія Гартлебена „Презрѣнныя женщины“, въ переводѣ П. П. Невмродова, одобрена репертуарнымъ совѣтомъ и театралитер. комитетомъ при С.-Петерб. Императорскихъ театрахъ.

— Съ репертуара „Драмат. театра“ г-жи Коммисаржевской снятъ „Вампиръ“ Ведекина („Злой духъ“), въ которомъ главную роль должна была играть Н. А. Будкевичъ, уже 2 мѣсяца сидящая безъ работы. Вмѣсто „Вампира“ идетъ „Побѣда смерти“ г. Соллогуба.

* * *

Московскія вѣсти.

— Намъ пишутъ: Коммисія при народномъ Сергіевскомъ домѣ, на обязанности которой лежитъ веденіе театральнаго дѣла, въ одномъ изъ своихъ засѣданій постановила, исключить изъ репертуара оперы „Руслану и Людмилу“ и „Рогнеду“, но... оставить „Тангейзера“. Чѣмъ не курьезъ?..

— Какъ намъ пишутъ изъ Москвы, съ открытіемъ Ибсеновскаго театра выходитъ серьезная задержка, благодаря тому, что Лидвалъ своего обязательства не исполнилъ, да еще и несостоятельнымъ добавокъ объявляется. Опасаются, что спектакли „Ибсеновскаго“ театра начнутся прямо съ Кіева, гдѣ у г. Озерова также законтрактованъ театр. Пока труппа (25 человекъ) получаетъ исправно жалованье.

— Последняя новинка Малаго театра—„Дѣльцы“, І. Колышко. Въ „Русск. Сл.“ читаемъ:

„Пьеса въ высшей степени сценична, захватываетъ драматизмомъ своихъ коллизій, письмо яркое и безусловно литературное. Характеры этого своеобразнаго быта новы и интересны для нашей драматической литературы.

У публики и пьеса, и исполнители имѣли успѣхъ“.

Приводимъ кстаті и отзывъ харьковской газеты „Южный Кр.“, гдѣ пьеса прошла почти одновременно съ Москвой: „Драма Колышко сценична, полна движенія, живыхъ образовъ и смотрится не безъ интереса, но діалогъ не свободенъ, блѣденъ, сюжетъ сбѣтъ, идея не ясна“.

Отзывъ „Рус. Вѣдом.“ менѣе благоприятенъ. А по отзыву „Голоса Москвы“, трудно узнать истину. Пьеса не имѣла успѣха и часть публики даже шикала.

— Въ театрѣ „Буффъ“ съ 23 октября прекратились спектакли. Главной причиною послужило то обстоятельство, что дирекція упорно не желала платить денегъ ни хору, ни артистамъ. Всѣ артисты собираются взыскивать неустойку, такъ какъ есть возможность ее получить изъ 10-тысячнаго залога, находящагося у градоначальника. Наиболѣе пострадали артисты гг. Дунаевъ, Поляковъ, Поповъ и Шумскій. Между прочимъ, на кассѣ передъ спектаклемъ 23 октября красовался оригинальный анонсъ о томъ, что „спектакль отмѣняется по болѣзни г-жи Миликетти“, тогда какъ въ этомъ спектаклѣ она и не должна была участвовать.

— Бенефисъ вторыхъ режиссеровъ въ Большомъ театрѣ закончился грандіознымъ скандаломъ.

Шелъ дивертисментъ. Послѣ одного изъ номеровъ публика затянула свои „вызовы“, когда на сцену появился новый исполнитель—г. Баклановъ, обнаружившій твердое желаніе свой номеръ выполнить.

Публика не унималась и не давала артисту начать. Кто-то даже крикнулъ: „Вонъ, долой со сцены“.

Въ отвѣтъ на это Баклановъ смялъ ноты въ комъ и швырнулъ ими въ публику.

Въ театрѣ поднялся невообразимый шумъ. Онъ принялъ такіе размѣры, что пришлось опустить занавѣсъ. Этимъ дивертисментъ и окончился.

Дирекціей Императорскихъ театровъ сдѣланъ строгій выговоръ режиссерскому управленію Большого театра за скандалъ.

* * *

† С. В. Николаевскій. Въ ночь на 18-е октября скончался въ екатеринбургской городской больницѣ помощникъ режиссера оперной труппы А. А. Левицкаго С. В. Николаевскій, 35 лѣтъ. Покойный посвятилъ оперному дѣлу 17 лѣтъ своей жизни, причемъ въ теченіе 14 лѣтъ былъ хористомъ, начавъ службу у г. Унковскаго, а послѣдніе 3 года работалъ въ качествѣ помощника режиссера.

* * *

† Х. П. Крамская (Сапалаева) скончалась 18 октября въ Москвѣ въ больницѣ Бахрушиныхъ отъ туберкулеза легкихъ. Покойной 29 лѣтъ.

* * *

Намъ присланъ отчетъ о поѣздкѣ опернаго т-ва подъ управленіемъ г-жи Шигаевой. Составъ труппы: сопрано Филиппова, Черненко, Немировская; меццо-сопрано: Дончеръ, Коршъ; тенора: Брайнинъ, Даниловъ; баритоны: Ермаковъ, Деличъ, Ярославскій; басы: Жуковъ, Чернявскій; оркестръ подъ управленіемъ Ступеля. Хоръ 15 человекъ... Труппа дала спектакли въ Псковѣ—три, взяла на кругъ—500 рублей. Сувалки—три—350 р. на кругъ. Гродно—два—400 руб. на кругъ. Бѣлостокъ—250 руб. на кругъ за пять спектаклей (убытокъ). Брестъ-Литовскъ—пока состоялось два спектакля—первый—460 руб., второй—580 руб.

Успѣхъ имѣютъ—сопрано Филиппова, теноръ Брайнинъ, баритоны Ермаковъ и Деличъ, басъ Жуковъ, обладатель громаднаго basso-profundo. Репертуаръ: „Демонъ“, „Онѣгинъ“, „Фаустъ“, „Ромео и Джульетта“, „Пиковая Дама“, „Карменъ“, „Галька“. Дальше труппа ѣдетъ въ Люблинъ, Калишъ, Радомъ и др.

* * *

Первый публичный ученическій вечеръ курсовъ Рапогфъ въ залѣ Благороднаго Собранія лишній разъ показали серьезную постановку дѣла на курсахъ.

Многочисленная публика съ живымъ интересомъ и сосредоточеннымъ вниманіемъ слѣдила за драматическими и музыкальными отдѣленіями программы, и успѣхъ учениковъ былъ не только одобреніемъ „своей“ публики, но и искреннимъ отзывомъ непосредственныхъ впечатлѣній.

Драматическій классъ ведется даровитымъ артистомъ Александринскаго театра А. П. Петровскимъ.

Онъ умѣетъ достигать „переживанія“ учениками изображаемаго на сценѣ, причемъ живутъ, говорятъ, не „представляютъ“, не повторяютъ учителя „съ голося“ даже тѣ ученики, у которыхъ сценическія средства бѣдны. А. П. Петровскій умѣло раздаетъ роли и вооружаетъ ученика разнообразной и всесторонней техникой.

Выдѣлилась въ отрывкѣ изъ „Маріи Стюартъ“ темпераментомъ и красотой дикціи ученица г-жа Полевицкая. У нея благодарная вѣншность, стройная фигура, выразительное и одухотворенное лицо и хорошій голосъ. Увлекаясь, ученица слишкомъ много жестикулируетъ и даетъ иногда непластичныя для королевъ Маріи позы. Кромѣ того, у г-жи Полевицкой не было достаточной постепенности въ нарастаніи драматизма и потому конецъ сцены съ Елизаветой не прозвучалъ достаточно ярко по сравненію со всей сценой. Но мы видѣли настоящее трепетаніе чувства и несомнѣнно подающую большія надежды ученицу. Въ отрывкѣ изъ „Забавы“ Шнитцлера былъ живой ансамбль и не чувствовалось напряженности, бѣлыхъ нитокъ“ выучки.

Сцены изъ „Мизантропа“ удались менѣе. Музыкальное отдѣленіе имѣло также заслуженный успѣхъ. Всѣ выступавшіе показали развитое художественное чутье и тщательную школьную работу.

Юная скрипачка г-жа Граматчикова блеснула силой тона и виртуозной техникой. Удачно дебютировала и ученическій оркестръ подъ упр. г. Каленовскаго.

Н. Н.

* * *

Новый театр. Товарищество подъ управленіемъ А. А. Санина поставило „Союзъ молодежи“ Ибсена. Выборъ пьесы нельзя признатъ удачнымъ. Это одна изъ самыхъ неинтересныхъ пьесъ Ибсена. Ибсенъ долго искалъ себя, пока нашелъ. Отъ того, что на „Праздникъ въ Сольгаугъ“ значится фирма Ибсена—пьеса не становится интересной. Тоже надо сказать и о „Союзѣ молодежи“. Это—эмбрионъ „Штокмана“, а по формѣ—несамостоятельный опытъ комедіи, въ которой трагическій духъ Ибсена всегда чувствовалъ себя неловко. Герой адвокатъ—это что-то вродѣ Хлестакова, по совершенной вѣтренности и удивительной пустотѣ. Но Хлестаковъ и имѣлъ предъ собою галерею удивительныхъ фигуръ. У Гоголя смѣшно, что въ Хлестакова вѣрять. У Ибсена адвокатъ все время самъ себя дурчитъ... Пьеса проникнута глубокою анти-демократическою тенденціею, въ которой однако больше злости, нежели глубины. По фактурѣ, „Союзъ молодежи“—устарѣлъ и растянутъ. И во всякомъ случаѣ, эту пьесу можно ставить только въ образцовомъ исполненіи, что трудно достигнуть при немногочисленной и болѣе или менѣе случайной труппѣ товарищества. Исполненіе было не то, что слабое, а недостаточно гибкое и воздушное. Главныя роли играли г. Тинскій—адвоката, г. Михайловскій—камергера. Оба были удовлетворительны, но, пожалуй, для „Союза молодежи“ этого маловато. Изъ другихъ исполнителей намъ болѣе понравились: г. Мамонтовъ, г. Неволинъ, у котораго комическія роли выходятъ недурно, хотя и утрировано, г. Дальневъ и г-жа Лидина.

Мы бы совѣтали произвести значительныя купюры въ пьесѣ, это значительно облегчило бы задачу исполнителей. Народныя сцены поставлены г. Саннинымъ хорошо. Отличныя декораціи и костюмы пріятно ласкаютъ глазъ.

Н. Н.

* * *

Заль Консерваторіи. Послѣ ряда новинокъ, которыми открылся сезонъ, дирекція обратилась къ старымъ, заиграннымъ операмъ, въ которыхъ выступило много неизвѣстныхъ Петербургу артистовъ. Среди нихъ отмѣтимъ г-жу Талину, гг. Челищева и Владимірова. Нельзя сказать, чтобы впечатлѣніе, производимое этими артистами, было благоприятное. У всѣхъ ихъ, въ болѣе или меньшей степени, замѣчается отсутствіе голосовыхъ средствъ, недостаточная школа, порою сомнительная чистота интонаціи, а нерѣдко и слабая музыкальность.

Въ „Сельской чести“ роли были рапредѣлены слѣдующимъ образомъ: Сантуца—г-жа Львовская, Лола—г-жа Фингертъ, Туриду—г. Лазаревъ и Альфіо—г. Борисовъ-Мальковъ. Г-жа Львовская, безспорно, музыкальная пѣвица. Это она блестяще доказала въ „Морякѣ-Скитальцѣ“. Но въ опсываемый вечеръ она пѣла болѣе и потому давала мало звука. Во время молитвы „Пойте пѣснь торжества ликования“, когда она поетъ съ хоромъ, ея почти не слышно было. Понравилась мнѣ г-жа Фингертъ въ небольшой па тѣи Лола. Видна природная музыкальность и превосходная шк ла. Голосъ съ крупными недочетами, но скрашиваетъ все пріятный тембръ. Кто произвелъ крайне невыгодное впечатлѣіе въ партіяхъ Альфіо и Тоніо, такъ это г. Борисовъ-Мальковъ. Манеры—донельзя вульгарныя и антиэстетичныя. Въ голосѣ г. Борисова-Малькова непріятно его „вытапливаніе“ звука. Передъ каждой высокой нотой зритель такъ и кажется, что артистъ собирается какъ бы прыгнуть въ воздухъ. Туриду пѣлъ г. Лазаревъ. Голосъ не изъ важныхъ. Его пріятнѣе

слышать въ нѣкоторомъ отдаленіи. Сицилиана, спѣтая г. Лазаревымъ за закрытою занавѣсью, звучала довольно приятно. Вблизи же слышенъ у этого пѣвца гортанной тембръ и сдавленность звука. Сценическое дарованіе — весьма посредственное. Въ общемъ „Сельская честь“ оставила довольно сѣрое впечатлѣніе. Поистинѣ отдохнуль я душой на знаменитомъ интермеццо, прямо таки виртуозно проведенномъ г. Труффи. Публика, весь вечеръ апатично относившаяся ко всему происходящему на сценѣ, оживила послѣ исполненія интермеццо и наградила дирижера единодушными и долго несмолкавшими аплодисментами.

Въ „Паяцахъ“, въ партіи Каніо, выступилъ г. Фигнеръ. Артистъ пѣлъ съ тѣми „фокусами“, безъ которыхъ онъ теперь обойтись не можетъ. Онъ безбожно коверкалъ текстъ, выбирая все слова, гдѣ преобладаетъ буква „е“ и „ѣ“, насколько не заботясь о смыслѣ и содержаніи либретто. Лишь бы преодолѣть всѣ „подводные камни“, въ видѣ разныхъ „la и si bemol“, а тамъ хоть „трава не расти“. Весьма слабой пѣвицей показала себя г-жа Талина, выступившая въ партіи Недды. Она детонировала страшно, особенно въ послѣднемъ дуэтѣ съ Сильвіо. Послѣдній въ исполненіи г. Челищева тоже оставлялъ желать много лучшаго. Впрочемъ, возможно, что недочеты въ исполненіи партіи этими пѣвцами были вызваны понятнымъ волненіемъ, неизбежнымъ при первомъ выходѣ передъ незнакомой аудиторіей. *С. Генъ.*

* * *

Народный домъ. С. Н. Мельниковъ въ своей пьесѣ „Покоренная Казань“, поставленной въ первый разъ передъ народной аудиторіей 9 октября, обнаружилъ большую историческую эрудицію и выдвинулъ на первый планъ неизбежность окончательной побѣды Москвы, благодаря прежде всего разложенію татарскихъ деспотій. Изнѣженные ханы сами ускорили смерть своей власти.

Г. Мельниковъ сдѣлалъ большую ошибку, написавъ пьесу, часто смѣняющимися прозой, бѣлымъ пятистопнымъ ямбомъ, рифмованными стихами, а въ иныхъ мѣстахъ — пѣсеннымъ складомъ. Чтобы такая мозаика вышла красивой, необходимы виртуозная техника языка, а ея авторъ владѣетъ далеко не совершенно, и въ его пьесѣ рядомъ съ литературными попадаются общія мѣста, лишнія слова и фразы ради „подгонки подъ размеръ“; рифмы же г. Мельникова примитивно-банальны. Трудно судить, кто тутъ виноватъ: авторъ, или актерское „либеральное“ отношеніе къ стихамъ, но слухъ порою рѣзали нарушающіе размеръ лишніе — „да“, „уж“, „вѣдь“, или совершенно неправильныя чередованія краткихъ и долгихъ слоговъ, звучавшія диссонансомъ.

Первые акты нѣсколько растянуты, но вторая половина пьесы производитъ хорошее впечатлѣніе, въ послѣднихъ актахъ много движенія и драматизма. Авторъ съ особенною любовью остановился на яркой фигурѣ потомка болгарскихъ царей, — Гассана Япанчи, этого татарскаго Сиды, который глубоко страдаетъ отъ сознанія, что его сородичи-татары — умерли, какъ жизнеспособная самостоятельная нація, что они погрязли въ неправдѣ, празднои нѣгѣ и предательствѣ, что борьба съ Москвою — безнадежна. Въ Япанчѣ г. Мельниковъ показалъ благородную душу полудикаря, его инстинктивное тяготѣніе къ высшимъ законамъ любви, его широкую терпимость къ врагу. При всемъ томъ въ Япанчѣ душевная драма, которую онъ переживаетъ, производитъ недостаточно яркое впечатлѣніе.

Молодой Іоаннъ IV обрисованъ эскизно, еще болѣе эскизно очерченъ послѣдній Казанскій ханъ; между тѣмъ здѣсь можно было бы въ красочныхъ контрастахъ противопоставить двѣ индивидуальности, — представителей двухъ націонализмовъ: ростащаго и разлагающагося.

„Жадная толпа“ какъ у московскаго, такъ и у казанскаго трона могла бы быть обрисована также колоритнѣе.

Но и въ настоящемъ видѣ пьеса г. Мельникова — интересна, въ большей своей части красива, проникнута несомнѣннымъ увлеченіемъ и приятно отличается отъ историческихъ „лубковъ“ отсутствіемъ шовинизма.

Собравшаяся въ огромномъ числѣ публика вызывала по окончаніи пьесы г. Мельникова, большой успѣхъ имѣли и исполнители главныхъ ролей.

Приглашенный въ труппу Народнаго дома извѣстный провинціальный артистъ, г. Дара-Владиміровъ — отличное приобрѣтеніе. Это умный и даровитый исполнитель на характерныя роли. Въ Япанчѣ онъ далъ художественный гримъ, вѣрно передалъ характеръ... Но у артиста мало темперамента; для героическихъ ролей его изысканная чистка лишена страстнаго подъема, чувствуется какая-то манерность рѣчи, лирическая мѣста также не вполне удаются артисту, звучать слащаво. Несмотря на это, публикѣ Дара-Владиміровъ очень нравится. Подкупаетъ его красивое лицо, интеллигентное толкованіе роли, художественная выразительность дикціи, благородство тона.

Г. Чарскій дѣлаетъ успѣхи. Роль молодого Грознаго онъ сыгралъ выдержанно, хотя мало отгѣнилъ смѣну добрыхъ и злыхъ настроеній мятежной души Іоанна. Г. Розенъ-Санинъ фанатика Аликея-Селима игралъ стильно и типично. У артиста образъ носилъ яркій восточный колоритъ.

Г-жа Лаврова была очаровательной княжною Надеждою. Обидно видѣть эту молодую артистку въ ничтожной роли. У г-жи Лавровой — рѣдкія данныя для бытовыхъ ролей, она одарена настоящимъ „комедійнымъ“ талантомъ, который проявила въ прошлыхъ сезонахъ. Г-жа Куроптева играла полюбившую Япанчу русскую полонянку Марію поэтично, съ тою жизненною искренностью, которой отличается эта артистка. Г. Владиміровъ въ роли молодого русскаго удалыца-пушкы Зиланта, взрывающаго стѣны Казанскія заставилъ тяжело вздохнуть объ ушедшемъ изъ Народнаго дома въ провинцію г. Дементьевъ.

Великолѣпны декорации г. Воробьева: Излучина Волги, крѣпость въ Казани, покой ханскаго дворца.

Постановка режиссера А. Я. Алексѣева, какъ всегда, блестяща, только въ лагерѣ Іоанна подъ Казанью и царь, и его свита — въ широкихъ и длинныхъ боярскихъ охабняхъ. Въ походахъ одѣвались въ короткіе и узкіе кафтаны.

Н. Тамаринъ.

* * *

Екатерининскій театръ. Новая оперетка „Золотой мѣшокъ“ Миллера врядъ-ли принесетъ г. Сѣверскому „мѣшокъ золота“. Это растянутая исторія объ одномъ богатомъ дядюшкѣ, прозванномъ „золотой мѣшокъ“ и его безпутномъ племянникѣ, прожигающемъ жизнь въ Парижѣ въ веселой компаніи художниковъ, членовъ общества „Раздолье“.

И со стороны музыкальной оперетка даетъ мало интереснаго отдѣльнымъ исполнителямъ. Недурной номеръ у г-жи Лучезарской и болѣе или менѣе красивый дуэтъ (г-жа Лучезарская и г. Морфесси) во второмъ актѣ — вотъ и все.

Богатого дядюшку прекрасно сыгралъ г. Грѣховъ, каждымъ своимъ появленіемъ поднимавшій настроеніе на сценѣ, передававшееся и публикѣ.

Члены общества „Раздолье“ были представлены г-жами Дальской, Бестужевою и гг. Долинымъ, Борченко и Орлицкимъ. Если исключить г-жу Дальскую, очень мило и весело игравшую, и г. Долина, то всѣмъ остальнымъ можно посоветовать выписаться изъ этого общества.

Два слова о г. Долинѣ. Это актеръ не безъ дарованія, но держащійся слишкомъ развязно на сценѣ и утратившій благодаря этому чувство мѣры. Вотъ, напр., онъ исполнилъ съ г-жей Дальской „матчишъ“. Въ то время, какъ г-жа Дальская мило, просто и достаточно кокетливо пѣла свои куплеты, г. Долинъ все время, такъ сказать, „напиралъ“. Это было неэстетично.

Г. Лукашевичъ, игравшій комическую роль цыгана, былъ бы недуренъ, если-бъ поменьше утировалъ и побольше себя сдерживалъ. Г-жа Гамалѣй — блѣдная актриса. Ея комизмъ — не яркий, блеклый. Недуренъ въ маленькой роли одного изъ пациентовъ — г. Ландратъ. Г-жа Лучезарская прекрасно пѣла. Вполнѣ приличенъ г. Морфесси. Очень понравился балетъ г. Чистякова, исполнившій рядъ національных танцевъ. Въ особенности хороша дѣвочка — еще совсѣмъ ребенокъ — исполнившая танецъ Дуная.

О. К.

Музыкальныя замѣтки.

Первый шредеровскій концертъ напомнилъ былые дни, когда симфоническія собранія Русскаго Музыкальнаго Общества были еще въ славу. Меломаны были приятно возбуждены и въ залѣ царилъ то приподнятое настроеніе, которое охватываетъ публику при всякомъ дѣйствительно художественномъ событіи. Этимъ событіемъ было участіе въ концертѣ такихъ перворазрядныхъ артистовъ, какъ знаменитый вѣнскій дирижеръ, г. Малеръ, и берлинская пѣвица, г-жа Тили Куненъ.

Малеръ отчасти уже знакомъ нашей публикѣ. Онъ выступалъ здѣсь въ рядѣ концертовъ, устроенныхъ лѣтъ 10 тому назадъ тою же фирмою Шредеръ. Тогда онъ успѣха не имѣлъ. Музыкальной толпѣ не понравились его сосредоточенная сдержанность и склонность къ замедленію темповъ. Это было принято за вялость темперамента. Говорю „толпѣ“, ибо немногіе знатоки и тогда уже оцѣнили крупное дарованіе г. Малера, который, конечно, не сумѣлъ бы сдѣлаться любимцемъ музыкальной столицы міра, если-бъ у него не было выдающихся данныхъ. Для всякаго, кто хоть нѣсколько знакомъ съ Вѣною — тою самою Вѣною, гдѣ блистали Гайднъ и Моцартъ, Бетховенъ и Брамсъ, Брухнеръ и Гуго-Вольфъ, — очевидно и безъ доказательствъ, что первый вѣтрѣнный тамъ кумиромъ не сдѣлается. Холодный пріемъ, оказанный г. Малеру въ первый его пріѣздъ, объясняется... Впрочемъ, что возьмется объяснить вкусы публики? Публика — финикъ, загадочный и своенравный, таинственный и измѣнчивый, передъ которымъ въ недоумѣніи останавливался не одинъ мудрецъ...

Я. В. Орловъ-Чужбининъ.
(Къ 10-лѣтію сценической дѣятельности).

Г. Малеръ и въ этотъ прїездъ выказалъ тѣ же черты своей художественной натуры: строгую вдумчивость и суровую медлительность. Но теперь эти качества покорили и плѣнили публику. Его истолкованіе произведеній понравилось даже тамъ, гдѣ оно шло въ разрѣзъ съ установившеюся традиціею. Взять хотя бы въ примѣръ седьмую симфонію Бетховена. Дирижеры всегда стараются исполнять ее съ легкою граціею и игриво порхающею жизнерадостностью. Даже когда среди яснаго ликующаго дня внезапно, въ *allegretto*, надвигаются черныя тучи меланхолии, исполнители придаютъ этой части выраженіе тихой элегии. Но г. Малеръ, очевидно, полагаетъ, что титаническая натура, подобная бетховенской, во всѣхъ своихъ проявленіяхъ остается вѣрна оргіастическому началу. Радость—такъ радость, безмѣрная и неукротимая. Скорбь—такъ скорбь, но подавляющая и потрясающая. Вздохи трогательной жалобы не въ характерѣ титана. Онъ умѣетъ только стонать. Но отъ этихъ стонаній содрогается міръ. Чувства радости прорываются у титана подобно бурному шквалу, стремительному и всесокрушающему.

Исходя изъ этого толкованія г. Малеръ придаетъ всей симфоніи діонисіевскій обликъ, грозно-суровый и грандіозно-могучій. Отъ этой скорби, какъ и отъ ликованія, одинаково жутко становится на душѣ.

Нравился ли вамъ это истолкованіе, это—дѣло субъективнаго вкуса и индивидуальной организаціи. Лирикъ, склонный къ мягкимъ формамъ, предпочтетъ свѣтлую радость и тихую грусть. Наоборотъ, натура бурная и неуравновѣшенная отдастъ предпочтеніе трагическимъ акцентамъ. Но дѣло не въ субъективномъ вкусѣ и личныхъ симпатіяхъ. Суть въ томъ, чтобы произведеніе, озаренное свѣтомъ основной идеи, предстало предъ нами, какъ нѣчто цѣльное и рельефно-яркое. Съ этой точки зрѣнія, исполненіе г. Малера выше всякихъ похвалъ. Онъ захватываетъ слушателя. Слушая его, вы начинаете думать, что только такъ могъ титанъ Бетховенъ радоваться и скорбѣть: всякое иное толкованіе шло бы въ разрѣзъ съ бетховеновскимъ духомъ.

Въ вступленіи къ „Мейстерзингерамъ“ г. Малеръ выказалъ поразительное техническое мастерство дирижера. Сложная полифонія и громоздкая инструментовка этого произведенія за темнятъ контуры мелодическаго рисунка. Нужно обладать исключительнымъ умѣніемъ распоряжаться оркестровыми массами, чтобы запутанная ткань вагнеровскаго контрапункта не превратилась въ шумный хаосъ беспорядочныхъ звуковъ. Въ исполненіи г. Малера монументальная готика увертюры предстала, какъ высѣченная изъ цѣльнаго гранита. Большой рельефности и ясности нельзя себѣ представить.

„Римскій-Карнавалъ“ Берліоза, по сочности и колоритности письма, напоминаетъ картину Рубенса. Г. Малеръ передалъ съ яркою экспрессіею пышный блескъ и радостное ликованіе праздничной толпы.

Въ лицѣ г-жи Тилли Куненъ публика познакомилась съ выдающеюся во всѣхъ отношеніяхъ пѣвицею. Обладая обширнымъ по звуку и могучимъ по силѣ контральто, г-жа Куненъ владѣетъ голосомъ мастерски. Передача ея отличается музыкальностью, вкусомъ и разнообразіемъ оттѣнковъ. Исполненіе согрѣто теплотою чувства и живою увлекательностью яркаго темперамента. Г-жа Куненъ спѣла по программѣ три романса съ аккомпаниментомъ оркестра: „Гимнъ“ Штрауса, „Die Musikantin“ Фидлера и „Er ist's“ Гуго Вольфа. Последнее произведеніе—дивный перлъ искусства. Композиторъ создалъ звуковой ландшафтъ, полный восхитительной прелести. Нужно изумляться отсталости нашихъ артистовъ, которые до сихъ поръ почти не знаютъ Гуго Вольфа. А между тѣмъ это—великій талантъ!..

„Вечеръ въ царствѣ наивности“—такъ я бы назвалъ второй концертъ г. Зилоти. Наивна была программа. Боже, какъ наивна! Первая симфонія Бетховена—кого, кромѣ археолога, можетъ она заинтересовать? Бетховенъ здѣсь еще не Бетховенъ. Онъ только робкій ученикъ Гайдна. Но кто же не знаетъ, что лучшая копія ниже оригинала? Какимъ дѣтскимъ лепетомъ кажется она, въ сравненіи съ позднѣйшими его симфоніями—ну, хотя-бы съ третьей, гдѣ онъ сразу выходитъ на собственную дорогу! А фортепіанный концертъ (№ 22, Es-dur) Моцарта? Я восторженный поклонникъ Моцарта и считаю его оперы или симфоніи вѣчными твореніями, которыя переживутъ тлѣнъ время. Но его фортепіанные концерты—сколько душевной кротости и смиренія нужно имѣть, чтобы ихъ слушать терпѣливо и неліцемерно? Сонатная форма, еще въ зародышѣ, недалеко ушедшая отъ первыхъ опытовъ Филиппа Эммануэля Баха, звучитъ такъ блѣдно, а фортепіанные эффекты, сводящіеся къ гаммообразнымъ пассажамъ, кажутся такими примитивными, что мысль невольно переносится къ младенческому періоду музыки. Святою наивною вѣетъ и отъ исполнительницы этого концерта—г-жи Левандовской. Жеманно раскачиваясь, съ книксенами и присѣданіями, по старушечьи, она робко подплываетъ къ роялю. На страдальческомъ лицѣ ея извивается широкая улыбка. Вся ея фигура напоминаетъ послушницу, измощенную постомъ и бдѣніемъ. Безстрастно садится она за рояль. Сухо и безжизненно звучатъ клавиши подъ ея окостенѣлыми пальцами. Механизмъ пальцевъ развитъ въ совершенствѣ. Рѣзко отчеканиваясь, какъ дробь, сыплющаяся на желѣзный листъ, льются послѣдовательно звуки гаммы. Но не человѣкъ рождаетъ эти звуки, а мертвый автоматъ. Пальцы лишены всякаго туше. „Двойная репетиція“, какъ будто, еще не изобрѣтена, пѣвучести нѣтъ и слѣда. Невольно кажется вамъ, что вы не въ раззолоченномъ залѣ Маріинскаго театра, среди разряженной свѣтской толпы, а въ классной комнатѣ закрытаго учебнаго заведенія, гдѣ вашъ слухъ терзаютъ бездушныя экзерциціи и унылыя сонатины. Сцены изъ „Хованщины“ на концертной эстрадѣ звучатъ тоже примитивно, даромъ что опера въ ея цѣломъ и въ сценической обстановкѣ—весьма талантливое произведеніе. Но верхъ наивности—самъ г. Зилоти, взявшійся дирижировать, когда за подѣздомъ, въ сосѣдней консерваторіи, выступаетъ такой замѣчательный дирижерь, какъ Малеръ. Какой злой духъ внушилъ г. Зилоти промѣнять лавры прекраснаго піаниста на терніи болѣе чѣмъ сомнительнаго дирижера? Право, пора бросить эту странную игру въ дирижированіе, которое такъ же далеко отъ настоящаго руководства оркестромъ, какъ оловянные солдатики отъ современной вооруженной арміи. Конечно, нашъ замѣчательный оркестръ русской оперы вывезетъ даже и диллетантствующаго дирижера. Но неужели онъ не заслуживаетъ лучшаго примѣненія? Мнѣ до слезъ обидно было за него, за этого чудный оркестръ, которому, можетъ быть, и равнаго въ Европѣ нѣтъ. Куда дѣлалъ стройность и выпуклость его звука, гибкость и чуткость къ намѣреніямъ руководителя? Къ счастью, онъ въ этотъ же вечеръ могъ себя показать въ настоящемъ блескѣ, когда дирижерская палочка перешла къ г. Направнику, продирижировавшему „Сюиту изъ народныхъ танцевъ“ собственнаго сочиненія. Оркестръ словно переродился. Онъ сталъ неузнаваемъ. Опять появилась неподобная прелесть звука, изумительная тонкость нюансовъ, послушная тончайшимъ изгибамъ мысли.

Сюита, въ техническомъ отношеніи, сдѣлана мастерски, но въ смыслѣ музыкальнаго вдохновенія не всѣ части удалась. Лучше всего звучатъ вальсъ и полька. Тарантелла лишена увлекательности и огня. Авторъ былъ встрѣченъ весьма тепло и удостоился горячихъ рукоплесканій.

„Агаръ въ пустынь“ А. Рубинштейна—произведеніе совершенно ничтожное въ художественномъ смыслѣ и крайне неблагоприятное для исполнителей. Партію Агари исполняла г-жа Збруева. Поетъ она весьма музыкально и голосовой матеріалъ превосходный. Но школа не изъ лучшихъ. Вслѣдствіе неправильнаго дыханія, звукъ мало содержателенъ и кантилена не безупречна. Прелестный голосокъ обнаружила учащаяся слб. консерваторіи, г-жа Космачевская, исполнившая крохотную партію Измаила.

И. Кнорозовскій.

† А. А. Ярцевъ.
(См. № 42).

„Же то“.

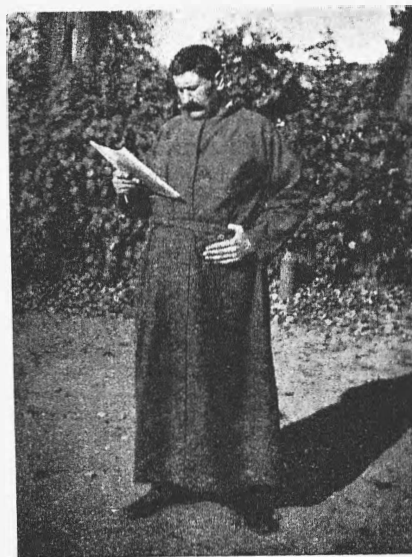
Чуть ли не съ каждой новой постановкой въ театрѣ Коммиссаржевской все болѣе и болѣе разочаровываешься, все болѣе и болѣе перестаешь вѣрить въ возможность возникновенія здѣсь настоящаго новаго художества. Грустно... Такъ-бы хотѣлось симпатизировать этому театру, его исканіямъ, начинаніямъ, несомнѣнно убѣжденному веденію дѣла, извѣстному подвигу самопожертвованія со стороны нѣкоторыхъ артистовъ, отрѣшившихся отъ привычнаго прошлаго, хотѣлось-бы тѣмъ болѣе, что вѣдь «исканія» необходимы, ибо безъ нихъ нѣтъ жизни искусства, нѣтъ, можетъ быть, самаго яркаго и загадочнаго элемента творчества.

Новыя формы искусства рождаются трудно. Крупнѣйшіе вполнѣ совершенные новаторскіе таланты—почти исключенія. Обыкновенно намекъ... идея, иногда смутная... неопредѣленное, не всегда ясное выраженіе, или, наоборотъ, одно только почти безсознательное выраженіе, чуть замѣтный просвѣтъ, проблескъ. Надо именно улавливать, искать. Въ театрѣ новыя исканія и тѣмъ болѣе формы ихъ выраженія можетъ быть труднѣе, чѣмъ въ какой бы то ни было области искусства, благодаря не столько пресловутому синтезу, который едва ли осуществимъ, а именно вѣчной борьбѣ между грубо конкретнымъ и обобщеннымъ, между роковымъ фотографическимъ реализмомъ и стилизаціей, благодаря именно кажущейся невозможности созданія на сценѣ цѣльнаго, гармоничнаго, въ себѣ самомъ замкнутаго художественнаго произведенія. Можетъ быть, дѣйствительно цѣльная художественность достижима только въ театрѣ марionетокъ, хотя конечно это не будетъ театръ, если брать исходной точкой сценическаго творчества—творчество актера.

Допустимъ, что все дѣло въ актерѣ, въ его творчествѣ.

Но вѣдь и здѣсь неизбежна эволюція, необходимы исканія, необходимы все новыя и новыя способы выраженія. О зависимости отъ репертуара, отъ новыхъ формъ драматической поэзіи нечего распространяться. Ясное дѣло, что средства выраженія трагедій Озерова не пригодны для комедій Островскаго, а комедій Островскаго—для пьесъ Метерлинка. Но вѣдь мыслится и самъ актеръ, самъ человѣкъ. Какъ художникъ, онъ въ полной зависимости отъ общей широкой эволюціи искусства, онъ не можетъ отмежевать свое актер-

ское творчество отъ творчества въ поэзіи, живописи, музыкѣ, ибо конечно не существуетъ абсолютнаго, неподвижнаго самодовлѣющаго актерскаго творчества, которое, какъ кладъ, лежитъ въ отдѣльныхъ индивидуальностяхъ, не соприкасаясь ни съ прошлымъ, ни съ настоящимъ. Безъ сомнѣнія, даже гениальные актеры прошлаго, явись они сейчасъ во всеоружіи своей тогдашней техники, показались бы намъ грубыми, неинтересными, ибо они были бы лишены накопленія модернизма (въ хорошемъ конечно смыслѣ). Актеру, выражающему творчество только своей личностью, можетъ быть особенно необходимо быть модернистомъ. Въ жизнь, въ общежитіе входятъ все новыя и новыя накопленія и богатства, въ способахъ выраженія является все большая утонченность, синтетическая экономія. Тамъ, гдѣ прежде надо было описывать, рассказывать, выражать яркими жестами, подчеркивать мимикой, сейчасъ достаточно легкаго намека. Мы сами не замѣчаемъ, благодаря постепенности эволюціи, какъ даже въ общежитіи утончаются наши жесты, мимика, интонаціи, какъ мысли, ощущенія, впечатлѣнія почти электрически передаются едва уловимымъ движеніемъ глазъ, едва уловимыми модуляціями голоса. Но вѣдь искусство идетъ всегда впереди жизни, оно учитъ жизнь новизнѣ, утонченности. Абсолютный консерватизмъ въ искусствѣ

О. З. Сусловъ въ Виленскомъ военномъ госпиталѣ.

еще большій абсурдъ, чѣмъ консерватизмъ въ жизни. «Геніи переживаютъ вѣка», крупинки «вѣчнаго» никогда не перестанутъ блестѣть самоцѣльнымъ блескомъ, но все прошлое «представляетъ только историческій интересъ», цѣнно только какъ накопленіе и удобреніе для настоящаго и будущаго. Поэтому актеру, единственному художнику, объединяющему въ своей личности и жизнь, и искусство, мы можетъ быть особенно не простимъ отсталости. Онъ, можетъ быть, особенно рискуетъ показаться скучнымъ, ненужнымъ, если идетъ не впереди насъ, но меньшей мѣрѣ не рядомъ съ нами.

Впрочемъ, еще весьма спорный вопросъ, есть-ли актеръ вполнѣ самостоятельная творческая единица,—вопросъ, несомнѣнно вытекающій изъ самой сущности театра, какъ соединенія, иногда даже грубаго смѣшенія разныхъ искусствъ. Ясно конечно какъ дважды два четыре, что вполнѣ самостоятельное единственно только творчество актера-импрови-

затора, передающаго свою собственную пьесу своей собственной личностью безъ помощи какой бы то ни было сценической живописи, но такое *чистое* искусство можетъ явится какъ исключеніе. Самостоятельность творчества актера, играющаго въ чужой пьесѣ, надо понимать условно только въ томъ смыслѣ, на сколько онъ олицетворяетъ въ своемъ единственномъ способѣ выраженія, въ своей личности чужое творчество, искусство вообще, жизнь подлѣ художественнымъ угломъ зрѣнія. Но тогда уже и подавно ясна полная зависимость актера отъ модернизма, отъ новыхъ исканій; ясно, что для передачи чужихъ новыхъ формъ онъ долженъ искать свои. Прелесть театральнаго искусства, какъ и всякаго искусства вообще, чтобы оно дѣйствительно учило насъ, шло впереди насъ, предугадывало, предвосхищало то, что еще пока въ зародышѣ, но неминуемо сдѣлается общимъ достояніемъ. Повторять хотя бы и превосходно зады, тѣмъ болѣе сдѣлавшіеся общимъ достояніемъ, дѣло школьникова, а не артистова.

Потому-то такъ жадно приходится набрасываться на новыя исканія, желать ихъ. Тѣмъ грустнѣе, когда они не удовлетворяютъ, какъ въ театрѣ Коммиссаржевской. Невозможно говорить здѣсь объ абсолютной бездарности потугъ, несомнѣнно новое, вѣрно, удачно угаданное мѣстами сказалось художественно въ постановкахъ «Сестры Беатрисы», «Балаганчика», даже «Жизни человѣка». Можетъ быть надо быть благодарнымъ и за малое, собирать и отмѣчать его крупницы, вообще быть «благожелательнымъ» согласно мнѣнію г-на Драматурга № 2 (см. его письмо въ нашемъ журналѣ), но вѣдь тепленькая благожелательность, пріятная въ общегитіи, никому не интересна въ сферѣ искусства, разъ нѣтъ истиннаго чувства удовольствія, невольнаго признанія общей художественности новыхъ замысловъ.

Вотъ двѣ послѣднія постановки театра «Пелеасъ и Мелисанда» и «Пробужденіе весны». Несомнѣнно обѣ пьесы интереснѣе, художественнѣе, цѣльнѣе въ чтеніи, а вѣдь этимъ подписывается смертный приговоръ и постановкамъ, и художественному вкусу руководителей. Калейдоскопичность замысла, отсутствіе художественной цѣльности сказывается особенно въ постановкѣ «Пелеаса и Мелисанды».

Сара Бернарѣ, спящая въ гробу.

(Одна изъ фантазій знаменитой артистки—спать въ гробу, а потомъ себя фотографировать для рекламы).

Иногда кажется, что Метерлинка свойственны черточки нѣкоторой жеманности, слащавости, но, балансируя, онъ никогда не переступаетъ границъ и прелесть его сказокъ-пьесъ несомнѣнна. Символизмъ ихъ не подстроенъ, онъ какъ бы самъ собой художественно чувствуется и выходитъ довольно грубымъ въ ненужныхъ толкованіяхъ рецензентовъ. Въ «Пелеасѣ и Мелисандѣ» намеками, нѣсколькими словами и фразами дѣйствующихъ лицъ изумительно художественно рисуется вся прелесть обстановки, фантастическая историчность сказки. Мерещатся картины Швинда, средневѣковыя миниатюры, встаютъ грезы о найденныхъ у ручья прелестныхъ принцессахъ, храбрыхъ рыцаряхъ, старыхъ мудрыхъ короляхъ, о фантастическихъ замкахъ, потонувшихъ въ безпросвѣтныхъ лѣсахъ, съ мрачными подземельями, кончающимися бездонными пещерами и подземными озерами, со стѣнами, грустно освѣщенными луной. На этомъ фонѣ развертывается, имъ обусловливается нѣжный и въ то же время жизненный драматизмъ дѣйствія, въ этомъ фонѣ—весь ароматъ пьесы.

На сценѣ декораціи г. Денисова и фигуры гг. артистовъ. Г. Денисовъ, несомнѣнно, очень талантливый декораторъ-художникъ въ широкомъ, не сценическомъ смыслѣ. У него совсѣмъ новые мотивы, новыя красочныя сочетанія, новый орнаментальный рисунокъ, совсѣмъ особенный складъ декоративной фантазіи. Но, какъ и другимъ художникамъ театра, ему нѣтъ дѣла до автора: преслѣдуя свои собственные декоративныя и стилистическія задачи, онъ какъ бы совершенно игнорируетъ фонъ, набросанный Метерлинкомъ, мало того, онъ совершенно не считается съ неизбѣжной, несмотря на всю «умѣренность жеста» реальностью, конкретностью фигуръ. Тяжеловѣсные, все тѣ же оперно-бутафорскія, несмотря на большую, конечно, красоту и художественность костюмовъ, фигуры среди совершенно уже «дематериализованныхъ» декорацій съ ихъ явной картонажностью, вырѣзанностью, среди пряничныхъ домиковъ, стилизованныхъ до неузнаваемости деревьевъ, тесемочекъ и ленточекъ, замѣняющихъ архитектуру, цвѣтныхъ ковровъ изъ очень красиво и искусно подобранныхъ лоскутковъ, замѣняющихъ берегъ ручья или лугъ... Какъ же можно допустить такую грубую какофонію въ соединеніи реальности съ стилизаціей, даже дематериализаціей? Что-бы сказалъ г. Денисовъ, если бы въ его, появляющихся на выставкахъ талантливыхъ картинахъ, фигуры были вписаны В. Маковскимъ или даже Рѣпиннымъ со всей присущей имъ передвижнически-реалистической трактовкой?

Не хочется перечислять отдѣльные художественные недочеты. Допустимъ, напр., что въ тѣ времена еще не было готики, но почему все-таки весь замокъ стилизованъ въ видѣ пряничнаго домика съ дырой вмѣсто окна, такъ напоминающей отверстія въ собачьихъ конурахъ, и почему такъ грубо за этой дырой электрическая лампочка, просвѣчивающая черезъ полотняную стѣну, освѣщаетъ фигуру Мелисанды и еще болѣе грубо фигуру мальчика въ сценѣ подсматриванія? Удивительно картинная у Метерлинка сцена въ подземельѣ изображена какою-то аркой на полу, напоминающей арки петербургскихъ подземныхъ каналовъ, при чемъ абсолютная темнота грубо нарушается курьезнымъ фонаремъ въ рукахъ Голо съ тремя стеариновыми огарками, тоже просвѣчивающимъ сквозь стѣны. И нигдѣ, почти нигдѣ сказочность декорацій, обстановки, красивыхъ по своему не напоминаетъ сказочность метерлинковскихъ картинъ. Пропадаютъ почти незамѣтными отдѣльныя художественныя крупинки

Тилли Куненъ.

(Къ симфон. концертамъ К. Шредеръ).

въ родѣ неподвижной фигуры короля на очень удачномъ тронѣ, позы Мелисанды у ручья, нѣкоторыхъ позъ Женевьевы, заимствованной у «Сестры Беатрисы» группы женщинъ.

На этомъ спектаклѣ, прежде всего, скучно, потому что нѣтъ цѣльности впечатлѣнія, нѣтъ сценической иллюзіи метерлинковской пьесы. Право, начинаешь желать, чтобы пьеса шла совсѣмъ безъ декораций, безъ обстановки, чтобы картины, какъ при чтеніи рисовались фразами дѣйствующихъ лицъ, ибо слишкомъ ощущаешь дисгармонію между мейерхольдо-денисовской постановкой и метерлинковскими замыслами, между иллюзорностью и реальностью. Придуманность, изобрѣтательность бьютъ въ глаза, какъ бы замѣняя художественный вкусъ, какъ бы навязывая намъ новое, но не художественно новое.

То же и въ «Пробужденіи весны». Есть такіе стѣнные календари-портфели съ перегородками, отдѣленіями, уголками для писемъ, карточекъ и пр. Едва ли кому-нибудь покажется художественнымъ общій планъ постановки пьесы по типу такого портфеля, какъ это сдѣлано въ «Пробужденіи весны». Можно, конечно, сочувствовать затруднительному положенію руководителей театра, не имѣющаго вертящейся сцены, но вѣдь зрителя, прежде всего, шокируетъ нехудожественность этихъ попеременно освѣщенныхъ сценъ-перегородокъ, сценъ-карманчиковъ. Въ пьесѣ Велекинда, несомнѣнно, вѣетъ загадочностью, трагичностью «пробужденія», несмотря на кажущуюся преднамѣренность темы, отдѣльныхъ сценъ, даже положеній. Какъ будто въ основу природы положена алдская западня, передъ которой безсильны всѣ системы

воспитанія, всѣ родительскія «откровенія», которая тѣмъ болѣе страшна, что окутана ядовитой поэзіей. И вотъ эта-то интересная сущность, столь чувствующая при чтеніи, опять совсѣмъ не передана на сценѣ, благодаря ли портфелю-календарю, благодаря ли исполнителямъ.

Въ чемъ же дѣло? Необходимость новыхъ формъ театральнаго искусства, несомнѣнно, назрѣла, всѣми чувствуется, а попытки, которые такъ хотѣлось бы привѣтствовать, неудачны. Пока еще существуетъ театральная обстановка, сценическая живопись, казалось бы можно только привѣтствовать начинанія въ родѣ начинаній Мейерхольда—поручать это дѣло настоящимъ даровитымъ художникамъ, а въ результатѣ—отсутствіе сценической иллюзіи, благодаря какъ бы перенесенію центра тяжести на самостоятельную живописную задачу, сценическіе абсурды, благодаря которымъ можетъ исчезнуть не только основная прелесть, а даже смыслъ пьесы. Принципы умѣреннаго жеста, скульптурности имѣютъ не только художественную, а можетъ быть реалистическую, жизненную основу, но они должны не выламываться режиссеромъ, а быть въ крови у актеровъ, и только тогда дадутъ художественные результаты. Бездомность, отсталость современнаго актера несомнѣнны, и можетъ быть, дѣйствительно здѣсь главная причина трудности перехода къ новымъ формамъ. Пора оставить стремленіе къ синтезу, ибо осуществимо можетъ быть только отсутствіе дисгармоніи между творчествомъ драматурга, актера и сценической иллюзіей, но необходимо остановиться, наконецъ, на основномъ принципѣ театральнаго искусства и только изъ него исходить. А главное, надо улавливать дѣйствительно новое чутье, осторожно, не гоняясь за нимъ во что бы то ни стало, тѣмъ болѣе не придумывая его. Надо тянуться, подыматься къ Мелисандѣ—искусству, а не притягивать ее грубо за волосы къ себѣ.

А. Ростиславовъ.

Изъ Москвы.

Просто-ли это печальная случайность, или театръ оказался вдругъ ниже своей публики, еще не сумѣлъ приспособиться къ ея измѣнившимся вкусамъ, — но онъ терпитъ сейчасъ неудачу за неудачею, по всему фронту. Зритель ходитъ разочарованный, съ печатой скуки на лицѣ, и угрюмо брюжжитъ. За двѣ недѣли, что я не писалъ «Театру и Искусству», — обманутыя ожиданія въ Художественномъ театрѣ, двойное поражение въ Маломъ, и большая непріятность съ Толстымъ-сыномъ у Корша, — и ни одной настоящей побѣды. Рецензіи газетъ похожи на некрологи, а репертуаръ — на братскую могилу убитенныхъ.

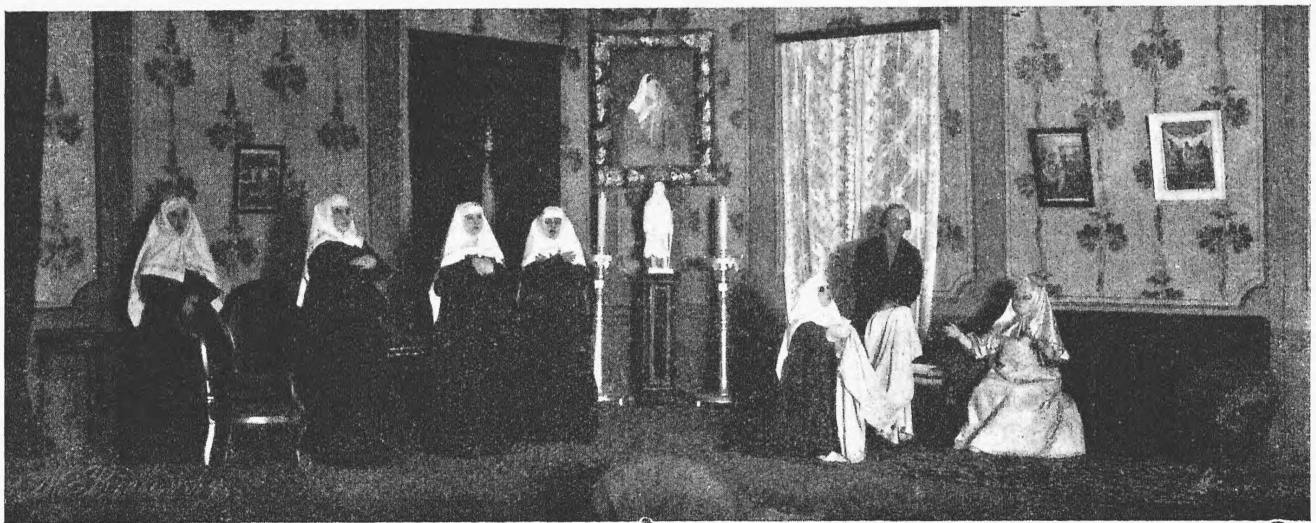
Начну печальную лѣтопись съ Художественнаго, въ которомъ бьется главный пульсъ московской театральной жизни, и на которой справедливо возлагаются главныя упованія. Можно какъ угодно относиться къ этому театру и съ какою угодно страстностью предавать его эстетической анаемѣ, — но нельзя не признать, что Москва закрѣпила за нимъ репутацію перваго театра, ему отдала свое преимущественное вниманіе, и идутъ жестокіе бои за билеты на его спектакли. А Малый театръ, во время оно кормившій цѣлую ватагу барышниковъ, съ тоскою видитъ, что даже на премьерахъ оказываются пустые мѣста.

И когда первые спектакли «Бориса Годунова» и «Коринеского чуда» оказались назначенными на тот же вечеръ, старый Малый театръ счелъ за лучшее поосторониться со своимъ «Чудомъ» и пропустить впередъ «Бориса». Въ этомъ маленькомъ фактѣ — характерное выраженіе того, какъ учитываетъ Малый театръ свой интересъ во мнѣніи публики...

Въ самый канунъ своего перваго спектакля Художественный театръ выкинулъ новый лозунгъ: на вызовы актерамъ не выходить и поклоновъ почтеннѣйшей публикѣ не отвѣшивать. Какой-то злой скептикъ увѣрялъ, что вся сія реформа, недѣли волновавшая актерскую среду, придумана специально для «Бориса». Она будто бы была нужна только какъ маска, чтобъ подъ нею спрятать неуспѣхъ «Бориса», предвидѣвшійся театромъ. Пусть будетъ видимость, что «народъ безмолвствовалъ» изъ уваженія къ новому лозунгу, въ которомъ «не выхо-

для этого будущаго театра актеръ—что-то въ родѣ чумы, зла, которое надо преодолѣть. И начнется его безмятежное существованіе, его золотой вѣкъ, когда актеръ уйдетъ совсѣмъ съ подмостковъ, и будетъ туда внесена и утверждена кукла изъ папье-маше, во всемъ великолѣпіи ея шнурочковъ и пружинокъ. Но Пушкинъ писалъ не для этого картоннаго будущаго и не собирался соперничать съ Блокомъ. Я не знаю, мечталъ ли онъ о сценической постановкѣ для своего «Бориса». Но если мечталъ, то прежде всего, конечно, мечталъ о великолѣпномъ актерѣ для Годунова, съ большимъ и глубокимъ талантомъ, способнымъ дать конкретность, заразительную жизнь трагедіи его души, источенной совѣстью. Слѣдомъ за Пушкинымъ обязанъ былъ мечтать и искать такой актерскій талантъ Художественный театръ. Не найдя-же, или совсѣмъ отречься отъ радости возсоздать гениальное пушкинское твореніе, или напередъ зная, что

—Ш ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕАТРЪ Н. Д. КРАСОВА. Ш—

„Черные вороны“, В. Протопопова, дѣйствіе V, явл. I.
Ирѣна (передовая облаченіе). Старалась матушка... Любовію къ тебѣ побуждалась...

дить» перевелъ—«не вызывать», а не отъ неудовлетворенности спектаклемъ.

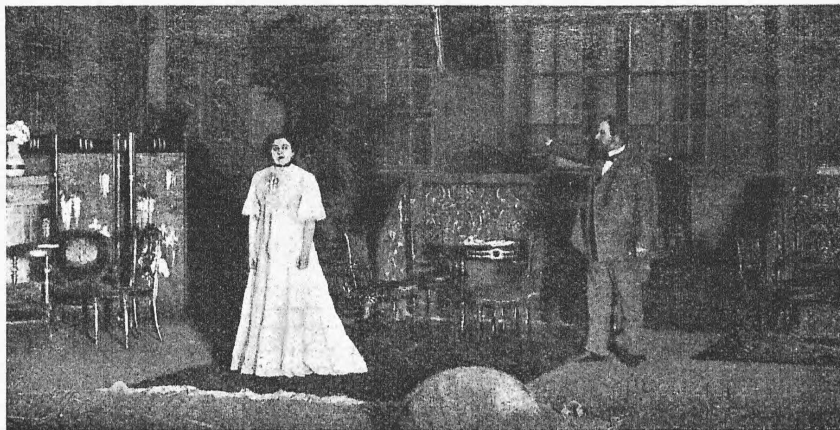
Конечно, такое толкованіе—вздоръ, пустое ехидство. Художественный театръ слишкомъ уменъ, и слишкомъ серьезенъ, чтобы рассчитывать на столь наивную маску. Напротивъ, онъ не только не сомнѣвался,—онъ былъ глубоко увѣренъ въ полномъ успѣхѣ и, кажется, тайлъ даже мечту о триумфѣ, въ родѣ «Цезаря» или «Бранда». И, знаете, именно эта увѣренность—самое любопытное и самое печальное въ крахѣ «Бориса». Куда печальнѣе, чѣмъ та наивность, которую хотѣлъ навязать театру злой скептикъ. Потому что нѣтъ большой бѣды въ неудавшемся спектаклѣ. Всегда они возможны. Иное дѣло, когда руководители театра, въ туманѣ ложнаго принципа, не замѣчаютъ коренныхъ дефектовъ, не сознаютъ всей ихъ сокрушающей важности и даже готовы вѣрить, что и съ такими дефектами спектакль побѣдитъ.

Такъ именно было на этотъ разъ. Не станемъ здѣсь заводить споръ о томъ, какова роль актера и его таланта въ театрѣ грядущаго, о которомъ такъ запуганно проповѣдуетъ Андрей Бѣлый, и который такъ торопливо и такъ безтолково осуществляетъ г. Мейерхольдъ. Пусть они правы, пусть

идетъ на встрѣчу большой неудачѣ. Потому что убыль души Бориса,—она ничѣмъ не вознаградима, никакими чудесами постановки, даже общою вѣрностью историческаго колорита и яркою живописностью. Что подѣлаешь съ Пушкинымъ! Онъ писалъ «по старому»! И если бы не внутренняя Борисова трагедія, если бы не «жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть не чиста»,—можетъ быть, и не сталъ бы тратить своего генія на эту пьесу.

Вовсе не хочу умалять достоинствъ г. Вишневскаго, унижать его дарованіе. За нимъ нѣсколько совсѣмъ хорошихъ, характерно сыгранныхъ ролей. Но если у этого артиста не хватало силы переживать, глубины и яркости чувствъ даже для маленькой, будничной трагедіи дяди Вани,—можно ли было тѣшить себя несбыточной надеждою, что ихъ хватить на большую трагедію пушкинскаго обреченнаго Бориса Годунова? Тутъ банкротство было предопредѣлено. А съ нимъ—и банкротство всего спектакля. Театръ могъ рассчитывать, что въ совершенствѣ оживить старую Москву, оживить выходящую на нее мстителемъ Лже-Димитрія Польшу. И сдѣлалъ это. Задача выполнена блестяще, и громадною вдумчивостью, талантомъ, съ хорошою смѣлостью въ примѣненіи новыхъ методовъ инсценировки

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ТЕАТРЪ.

„Черные вороны“. В. Протопопова.
Актъ III.

и декоративнаго импрессионизма. Но театр не могъ рассчитывать, что испуститъ этимъ коренной грѣхъ, основной недочетъ, что великолѣпіемъ фона укроетъ отъ глазъ отсутствіе центральной фигуры, что будетъ живо тѣло, въ которомъ не бьется сердце.

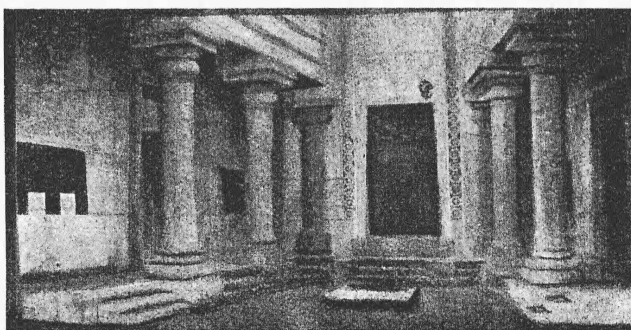
Несомнѣнно, г. Вишневскій затратилъ на своего Бориса очень много работы. Не меньше — режиссеръ. Борисъ былъ живописецъ и царствененъ. Отличный, не рутинный гримъ, безъ олеографической красоты. Отличные жесты, поступь. Отличный голосъ. И по началу казалось, что это будетъ настоящий Борисъ. Все было безупречно въ оболочкѣ Бориса. Но самый идеальный футляръ отъ скрипки все-таки только футляръ, а не Страдиваріусъ... Было бы смѣшно думать, что г. Вишневскій не понималъ Бориса, истиннаго смысла его трагедіи. Пушкинъ прозрачно ясенъ. Даетъ всѣ ключи къ тайнамъ этой обреченной души. Вѣроятно, артистъ лучше, чѣмъ мы съ вами, прокомментировалъ бы каждый пушкинскій стихъ и указалъ его связь съ центромъ фигуры, нечистою, черною отъ преступленія, совѣстью. Но, вѣдь, въ театрѣ не стоило бы ходить, если бы тамъ давали комментарий. Въ театрѣ стоитъ ходить за перевоплощеніемъ, за живою тканью, какою талантъ актера одѣваетъ скелетъ комментарія. Нѣтъ ея — театр — ненужность.

А Борисъ г. Вишневскаго былъ въ этомъ смыслѣ нагой, и было съ нимъ скучно. И надо было отвлекаться отъ игры, чтобы черпать знакомое наслажденіе въ давно заученные каждымъ наизусть пушкинскихъ стихахъ. Для вящаго эффекта классическій монологъ «Достигъ я высшей власти» г. Вишневскій говорилъ даже лежа, ворочаясь и стоная. И все-таки никакого эффекта не получалось. Глухъ былъ зритель ко всѣмъ стѣнамъ. Съ большою звуковою правдивостью издали шаги Бориса блуждающаго, какъ раненый звѣрь, по царскимъ палатамъ. Но и это не помогало. Зловѣщее впечатлѣніе никакъ не складывалось. И даже умирающій Борисъ, несмотря на всю сложность и весь историческій реализмъ, которымъ былъ обставленъ этотъ моментъ, не могъ одолѣть равнодушія зрителя. На сценѣ потрясаетъ не смерть, но завершающаяся въ ней трагедія души, разрѣшеніе катастрофы. Не можетъ захватить завершающій моментъ, когда весь внутренній ходъ, подводящій къ катастрофѣ, не сумѣлъ втянуть вниманіе и чувство зрителя въ свою роковую цѣпь.

Другая центральная фигура — Лже-Димитрія. И съ нимъ потерпѣлъ театръ неудачу. Я не знаю, почему его отдали г. Москвину. Я читалъ, что рѣшающее значеніе сыгралъ малый ростъ. Это весьма похоже на правду. Художественнымъ театромъ, хотя онъ уже бредитъ стилизаціей, символизмомъ, «Синей птицей» и «бархатной сценой», еще владѣютъ пережитки «историческаго натурализма». И они побудили предпочесть малорослаго г. Москвина. Прекрасный это артистъ. Люблю его правдивый, сочный талантъ. И врядъ-ли кто расточалъ ему за все время его сценической карьеры столько восторженныхъ похвалъ, какъ я. Но растяжимость таланта не безгранична. И трудно было представить, какъ онъ приспособитъ свой талантъ къ этому пушкинскому образу. И по-

томъ, самъ-ли артистъ, или ставившіе пушкинскую трагедію, захотѣли какъ-то по особенному, очень ужъ хитро прокомментировать Лже-Димитрія. Смутно рисовался предъ нимъ образъ нѣкоего пламеннаго мстителя, который съ огненнымъ мечомъ въ трепетныхъ рукахъ, пронесется надъ Россією, чтобы покарать за вѣковыя неправды, воплотившіяся въ лицѣ Бориса, убійцу на тронѣ. Это сомнительно исторически, но это красиво, это смѣло, это — съ большимъ историко-философскимъ смысломъ. И никто-бы, вѣроятно, не сталъ спорить, если-бы это удалось. Но это свелось только на какую-то взбудораженность, почти на истеричность. Быть нескладно путался съ символомъ, вдохновенная озаренность — съ болѣзненной издерганностью. Пестрые клочки, которые не складывались ни во что цѣльное. Да, мѣстами была глубока скорбь, и чувствовалось, что это — избранникъ, который идетъ

„НОВЫЙ ТЕАТРЪ“.

„Электра“, Гофманшталя.
Декорация Л. А. Лейферта и С. И. Панова.
(Съ фотографіи А. И. Крыжова).

на продиктованный судьбою или исторією подвигъ мстителя и спасителя. Какой-то русскій pendant къ Орлеанской Дѣвѣ... И сейчасъ-же такой замыселъ путался. И была лишь издерганность, больной надрывъ почти въ стилѣ Достоевскаго. Благодаря такой спутанности, совсѣмъ пропала сцена у фонтана, жемчужина трагедіи. И можно-бы, если-бы перебирать стихъ за стихомъ, показать, какъ много здѣсь было самыхъ элементарныхъ ошибокъ и психологической лжи, какъ искажался, невѣдомо — чему во славу, ясный пушкинскій смыслъ.

При отсутствующемъ Борисѣ и перепутанномъ Лже-Димитріи трагедія не могла не быть обреченной. Зритель отдыхалъ на прекрасномъ Пименѣ, котораго во всей ясной красотѣ своего таланта и своей обаятельности игралъ г. Качаловъ. Зритель наслаждался очень тонкимъ и выдержаннымъ исполненіемъ «лукаваго царедворца» Шуйскаго г. Лужскимъ; любовался красотой лица и прелестью костюма Марины—г-жи Германовой, отъ души смѣялся Варлааму и Мисаилу, въ которыхъ такъ сверкалъ комическій талантъ гг. Уралова и Грибунина. Зритель съ удовольствіемъ отмѣчалъ, что въ труппѣ оказались два новыхъ, молодыхъ дарованія г-жи Барановской и г. Горева-сына. Наконецъ, зритель воздавалъ должное прелести постановки, особенно—польскихъ сценъ, гдѣ такъ много жизни, яркости, красочности, характерности. И я, слѣдомъ за зрителемъ, подчеркиваю всѣ эти положительные стороны спектакля, забывая мелкіе недочеты. Но все это было такъ бесильно заслонить и искупить два коренныхъ порока спектакля, въ самомъ его сердцѣ. И я не сумѣю сказать, потому-ли такъ лѣниво апплодируютъ на «Борисѣ», что театръ рѣшилъ не «выходить»... Долженъ впрочемъ оговориться. Не успѣхъ ничуть не мѣшаетъ тому, чтобы Москва стремилась посмотреть спектакль. «Борисъ» сыгранъ уже десять разъ, всегда при совершенно полномъ сборѣ.

Отчетъ объ этой первой въ серіи московскихъ неудачъ отнял въ моемъ письмѣ больше мѣста, чѣмъ я думалъ. Приходится рѣчь о другихъ,—о «Коринѣскомъ чудѣ» и «Дѣльцахъ» въ Маломъ, о «Моей родинѣ» Л. Л. Толстого у Корша—отложить до другого письма. Тогда-же кстати поговорю о томъ печальномъ оборотѣ, какой принимаетъ дѣло обновленія Малаго театра. Не ладно тамъ. Зашевелилось старое, зашипѣло, загудѣло, хочется опрокинуть и новыя начинанія. И прояснившійся было горизонтъ опять обложило сѣрыми, унылыми тучами. И кажется, что опять оправдывается, во всей своей горькой истинности, мудрость, не совѣтующая вливать вино новое въ старые мѣха...

Н. Эфросъ.

Замѣтки Профаха.

Кажется, у евреевъ существуетъ ежедневная молитва: «Благодарю тебя, Господи, за то, что не создалъ меня женщиною!» Что до меня, то я ежедневно возсылаю благодарственную молитву: «благодарю тебя, Господи, что создалъ меня не рецензентомъ, а профаномъ». Профану живется какъ у Христа за пазухой, тогда какъ рецензентъ.... Бѣдный рецензентъ! Драматурги изводить его въ яловитыхъ строкахъ, а актеры (см. сообщеніе изъ Херсона) прямо кулаками замахиваются.

Рецензентъ это—коршунъ-стервятникъ, который величественно кружится гдѣ-то на верху подъ облаками, намѣчая свою жертву, и когда та погружается въ «хладный сонъ», налетаетъ и съ размаху убиваетъ. Между нами, это совершенно фантастическая «теорія рецензента». Въ дѣйствительности рецензентъ—воробей, чирикающий свои рецензіи жалобнымъ голоскомъ, и въ этого воробья палятъ изъ ружей... Что «корреспондента бьютъ»—это старая исторія: Тургеневъ даже «стихотвореніе въ прозѣ» на эту тему написалъ: сидятъ, молъ, два пріятели вечернею порой у окошечка, и вдругъ слышатъ крики

«караулъ». «Пойдемъ, говорить одинъ,—поможемъ». Порывъ этакій гуманный, отъ сердца: кого ни бьютъ—все равно, помочь надо. Но оказывается, что бьютъ корреспондента. «Ахъ, корреспондента!»—возглашаетъ одинъ изъ пріятелей, наиболее пылкій,—и садится вновь къ окошечку, пьетъ чай и продолжаетъ дружескую бесѣду.

Въ чемъ грѣхи Тряпичкина? Я говорю не объ отдѣльныхъ представителяхъ «тряпичкинскаго цеха», которые могутъ быть дурны такъ же, какъ и всякаго званія люди,—но о Тряпичкиныхъ, вообще, какъ о носителяхъ извѣстнаго званія. Всѣ грѣхи его опредѣляются однимъ: «а Тряпичкинъ, точно: для краснаго словца отца родного не пожалѣтъ». Онъ расходится иногда съ истиной, въ интересахъ занимательности своего разсказа. Соглашаюсь. Такъ для Тряпичкина это все-таки вопросъ ремесла, профессии, иногда экономической необходимости. Но что заставляетъ лгать и сплетничать, вообще, людей всякаго званія, которымъ даже за это не платятъ?

Тряпичкинъ, собственно говоря,—одинъ изъ ве-

„Въ балетной школѣ“.

Рис. г. Герардова.

„Поклонникъ таланта“.
(Карриатура).

личайшихъ страсотерпцевъ нашего времени. Въ правильно организованномъ обществѣ имѣются различнаго рода функціи, крайне необходимыя для процвѣтанія цѣлаго, но, бываетъ, не совсѣмъ почетныя и пріятныя. Въ людныхъ ресторанахъ, напимѣръ, имѣются плотные, высокаго роста «распорядители», на обязанности которыхъ лежитъ—выводить загулявшихъ безобразниковъ, мѣшающихъ почтеннѣйшей публикѣ (профанамъ). Платный распорядитель, несомнѣнно, существуетъ въ интересахъ посѣтителей, но увы, нельзя сказать, чтобы это званіе было окружено довѣріемъ и почетомъ. Часто, глядя на мощную фигуру распорядителя, въ объятяхъ котораго трепещетъ пойманный безобразникъ,—я думаю о томъ, какъ это похоже на судьбу Тряпичкина. Лови безобразниковъ, мѣшающихъ профанамъ въ ихъ фізіологическихъ процессахъ, но за то первый получай въ зубы...

Обязанности Тряпичкина-рецензента—пренебрежительныя: онъ существуетъ для того, чтобы оповѣщать о спектакляхъ и говорить правду о театральныхъ людяхъ и ихъ дѣлахъ. Чтобы понять, въ какой смоль, можно сказать, кипитъ всю свою жизнь Тряпичкинъ, подумайте, что бы стало съ вами, съ вашимъ покоемъ, съ вашими добрыми отношеніями, если-бы въ одинъ прекрасный день на васъ возложена была-бы обязанность говорить правду и сообщать все, что вы знаете, въ томъ кругу, гдѣ вы вращаетесь. Напимѣръ, приходитъ дуракъ и заводитъ съ вами дурачій разговоръ. Тогда вы встаете и заявляете:

— Иванъ Ивановичъ! я долженъ вамъ сказать, что вы дуракъ, и дурачкіе разговоры ваши слушать я считаю бесполезнымъ.

Очевидно, что вслѣдъ за этимъ произойдетъ оскорбленіе «символомъ» или дѣйствіемъ. Тряпичкинъ-же обязанъ сказать это Ивану Ивановичу на столбахъ газеты, по дѣлу службы. Пріятное положенье, нечего сказать.

Проворовался Семенъ Семеновичъ. Вы отлично знаете, что онъ воръ и пакостникъ. Но тѣмъ не

менѣе, къ чему васъ это обязываетъ? Вы можете даже выкурить съ Семеномъ Семеновичемъ дружески папироску, освѣдомиться о здоровьѣ его жены и сдѣлавъ видъ, что о воровствахъ его и пакостяхъ вамъ ничего не извѣстно, заговорить о погодѣ, о дровахъ, о выборахъ. Затѣмъ, когда за Семеномъ Семеновичемъ закроется дверь, и вы ему послали ручкой поцѣлуй,—вы можете, если на то ваша воля, обратиться къ Петру Петровичу.

— Нѣтъ, каковъ Семенъ Семеновичъ! Онъ ушелъ? (Подойдя къ двери и прислушиваясь). Да, ушелъ... Укралъ, мерзавецъ, сто тысячъ, подвелъ ни въ чемъ неповинныхъ людей, а музыку Вагнера обожаетъ!...

Но—Тряпичкинъ! Въдѣ онъ долженъ все это сказать епъ Семсн Семеновичу: «вы—воръ; вы—сто тысячъ украли; васъ—подъ судъ надо!» Ибо если Тряпичкинъ этого не скажетъ, а будетъ толковать о Вагнерѣ, новой пьесѣ и дровахъ,—тогда вы первый возмутитесь и заявите, что Тряпичкинъ никуда не годится, что о воровствахъ Семена Семеновича онъ молчитъ, а вотъ о дровахъ разговариваетъ, и что поэтому, не пора-ли смѣстить Тряпичкина, небрежно и нерадиво относящагося къ своимъ обязанностямъ и перейти на Подхалимова?

Наконецъ, Семена Семеновича отдали подъ судъ. Кто возьметъ на себя трудъ доложить объ этомъ Аннѣ Ивановнѣ, его супругѣ? Во-первыхъ, вообще, тяжело объ этомъ докладывать; во-вторыхъ, Анна Ивановна можетъ встрѣтить, въ сердцахъ, герольда кочергой. Ахъ, да! вспоминаемъ мы,—да у насъ есть Тряпичкинъ! Пожалуйста, Тряпичкинъ, выполните свое провиденціальное назначеніе, а пока вамъ авансомъ двугривенный... И Тряпичкинъ идетъ, потому что его побуждаетъ профессиональный долгъ, потому что нанялся-продался, а тамъ будь что будетъ,—кочерга, рогатина, пушка...

— Господинъ распорядитель! Уймите безобразника!.. орутъ у Палкина.

Господинъ распорядитель обнимаетъ «хорошаго господина» за талію и исчезаетъ въ передней. Доносятся какіе-то странные звуки и крики, слышенъ шумъ «глухого паденія» и прочее.

До насъ съ вами, пьющихъ бенедиктинъ съ кофе, это нисколько не относится. Ибо въ мірѣ все премудро устроено на началѣ раздѣленія труда: одни (профаны) пьютъ бенедиктинъ,—другимъ достается отъ безобразниковъ.

Если-бы не было, однако, Тряпичкина—ложь задушила-бы людей. Потому что все то, что называется учтивостью, вѣжливостью, деликатностью, мягкостью, воспитанностью и иными ласкающими ухо терминами,—все это ложь, ложь и ложь! Въ глаза дураку вы не скажете, что онъ дуракъ, вору, что онъ воръ, насильнику, что онъ насильникъ; вы не скажете актеру, что онъ скверный актеръ, писателю, что онъ бездарный сочинитель, художнику, что онъ негодный маляръ. Наоборотъ, если вы человѣкъ «воспитанный», вы будете говорить любезности, трести руку, распылаться въ благодарностяхъ. Всѣ въ глаза любезны и всѣ милѣйшіе люди. Всѣ лгутъ, улыбаясь и выслушивая ложь, какъ обыкновенное привѣтствіе. Всѣ прячутъ свои истинныя чувства негодованія, гнѣва и ненависти подъ аккуратнымъ и лицемѣрнымъ выраженіемъ добродушнаго привѣта. Но, когда на фундаментъ повальной, всеобщей, взаимно-вспомогательной лжи вырастаетъ монументальная, нестерпимая наглость, и средніе люди (профаны) начинаютъ задыхаться въ этой атмосферѣ насильственного любезничанья предъ бездарностью и ничтожествомъ,—тогда выступаетъ

Тряпичкинъ, пробиваетъ брешь въ стѣнѣ, получая въ первую голову удары, и, уже затѣмъ, по проложенной дорогѣ, осторожно озираясь, толпа профановъ наваливается на дискредитированную репутацию и пригибаетъ ее совсѣмъ къ землѣ.

Такова роль Тряпичкина, за которымъ охотятся, какъ за дикимъ звѣремъ. Бѣдный Тряпичкинъ! Онъ жжетъ?—думаете вы. Но ложь Тряпичкина—такая ничтожная капля въ океанѣ общественной лжи! Если Тряпичкинъ жжетъ,—онъ умретъ съ голоду. «Ты дѣлаешь то же, что всѣ мы,—скажутъ ему,—стало быть, ты намъ не нуженъ». И обратно: въ тотъ день, когда люди станутъ говорить другъ другу въ глаза всю правду—Тряпичкинъ въ первый разъ въ своей жизни почувствуетъ себя въ полной безопасности и первую ночь проспитъ совсѣмъ спокойно. На утро же ему вручатъ чистую отставку...

Но когда это еще будетъ! А пока Тряпичкинъ-рецензентъ ходитъ и покрикиваетъ: «ты—дуракъ! ты—жеманная кривляка! ты—бездарность!» И не только кричитъ, но еще, какъ ночной сторожъ, колотитъ въ доску, чтобы всѣ знали, что онъ бодрствуетъ. И на этомъ посту, продрогшаго и иззябшаго, наглотавшагося всякихъ оскорбленій и поношеній, застаетъ его смерть-избавительница...

— Кого хоронятъ? спрашиваетъ профанъ, повстрѣчавшись съ процессіей.

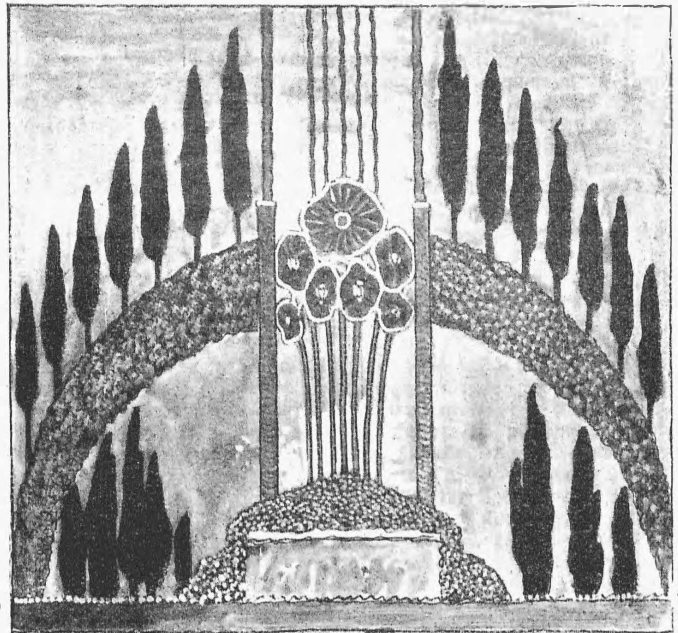
— А Тряпичкина-рецензента...

— Ахъ, умеръ таки!... А живучъ былъ, бестія, царствіе ему небесное...

И плотнѣе заворачивается въ бобровую шубу, присвоенную профану за кротость и другія добродѣтели...

Профанъ.

ДРАМАТИЧЕСКІЙ ТЕАТРЪ.

„Пелеасъ и Мелисанда“. Одна изъ декораций.

Рис. А. Любимова.

газеты“. „Все вниманіе общей прессы сосредоточилось на социально-политической жизни страны, и для искусства вообще, а для театра въ частности, или совсѣмъ не остается мѣста или же его удѣляется мало“. Кромѣ того, редакція „расчитываетъ положить начало общенію между театромъ и публикой“.

Желаемъ успѣха начинанію г. Соболевскаго-Самарина. Замѣтимъ кстати, что первымъ инициаторомъ такой театральной газеты былъ покойный Соловцовъ. Впрочемъ, театральная газета его быстро преобразовалась въ общую. Между прочимъ, изъ „Хроники“ газеты г. Соболевскаго Самарина узнаемъ, что „въ виду полученнаго дирекціей Н. И. Соболевскаго-Самарина исключительнаго разрѣшенія на постановку нѣкоторыхъ пьесъ, въ которыхъ помимо литературнаго достоинства, играетъ важную роль обстановочная часть, дирекціей приглашенъ извѣстный художникъ-декораторъ К. Ф. Ульрихъ съ окладомъ 3000 р. въ годъ“. Для успѣха театральныхъ и газетныхъ предпріятій Н. И. Соболевскаго-Самарина едва-ли нуженъ такой „тонъ“ хроники.

*** Въ Англіи въ настоящее время началась агитация противъ театральной цензуры. Какъ это съ перваго взгляда ни покажется страннымъ, но въ Англіи, классической странѣ свободы, существуетъ цензура драматическихъ произведеній, почти столь же нелѣпая, какъ и въ другихъ государствахъ континента.

Цензура возстановлена въ 1843 году при консервативномъ м-ствѣ Пилия якобы по моральнымъ соображеніямъ.

Дѣятельность театрального цензора, руководящагося исключительно личнымъ усмотрѣніемъ и вкусомъ, особенно сильное негодованіе вызывала среди драматическихъ писателей, которыхъ цензорская придирчивость иногда очень сильно ударяетъ по карману.

Драматурги рѣшились отправить депутацію къ премьеру, который обѣщалъ принять ее въ продолженіе текущаго мѣсяца. Но еще до пріема Кемпбель-Баннерманомъ депутаціи въ лондонскихъ газетахъ было опубликовано за подписью 70 извѣстныхъ писателей письмо съ самымъ энергичнымъ протестомъ противъ театральной цензуры.

Писатели протестуютъ противъ цензуры, установленной, по ихъ мнѣнію, вовсе не ради такъ называемыхъ моральныхъ, а исключительно политическихъ цѣлей. Драматическую цензуру они считаютъ противной какъ духу конституціи, такъ и здравому смыслу. Они требуютъ, чтобы ихъ искусство поставлено было въ такія же условія, какъ и другія искусства.

Такъ какъ театральная цензура установлена парламентомъ, то и отмѣнить ее можно только въ законодательномъ порядкѣ.

Къ Х-лѣтію артистической дѣятельности Я. В. Орлова-Чужбина (н. ф. Орловъ). Я. В.—сынъ потом. почетн. граждан. В. Г. Орлова (сынъ священника)—родился 21 марта 1876 г. въ с. Владыкинѣ, Сердобскаго уѣзда, Саратовской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Саратовскомъ Духовномъ училищѣ, откуда 11-лѣтнимъ мальчикомъ былъ уволенъ за „неуспѣхи по греческому и латинскому языкамъ“. Увлеченіе театромъ началось съ юношескихъ лѣтъ. Первый разъ игралъ 15½ лѣтъ, выступивъ въ любит. спектаклѣ въ роли Хлестакова („Ревизоръ“) и послѣ этого рѣшилъ поступить въ театральное училище. По настоянію отца (который вообще былъ противъ поступленія на сцену) поступилъ въ Пензенское Землемѣрное училище. Оканчивъ курсъ этого училища съ званіемъ „частнаго землемѣра“.

20 августа 1896 г. въ городскомъ театрѣ товарищами-любителями былъ данъ спектакль, какъ гласила афиша „для начала артистической дѣятельности“ Я. В. Орлова. Шла пьеса „Безъ вины виноватые“ (Роль Незнамова). Послѣ этого Я. В. еще годъ служилъ землемѣромъ въ Саратовскомъ губернскомъ земствѣ и управленіи саратовскаго уѣдльнаго округа. Наконецъ въ октябрѣ 1897 г. получилъ приглашеніе вступить въ „товарищество артистовъ подъ управ. М. С. Савиной и режиссерствомъ В. В. Несмѣльскаго“ въ г. Вологду. Мечта осуществилась, а 30 октября 1897 г. Я. В. дебютировалъ въ роли Билпи („Трильби“) и на другой день въ роли Іонеля („Цыганка Занда“). Успѣхъ былъ полный. За эти 10 лѣтъ Я. В. служилъ во многихъ городахъ и во многихъ антрепризахъ: Пенза, Саратовъ, Казань, Томскъ, Екатеринбургъ, Ростовъ-на-Дону, Вильна, Одесса, Кіевъ и мн. др.

Малехъкая хрохика.

*** Н. И. Соболевскаго-Самарина, саратовско-казанскій антрепренеръ, рѣшилъ издавать газету, подъ названіемъ „Театральное Эхо“. Это—небольшой, въ четвертушку, листочекъ, отпечатанный четкимъ шрифтомъ и стоящій въ розничной продажѣ 3 к. Въ передовой замѣткѣ редакція объясняетъ, почему она приступила къ изданію въ Саратовѣ „первой театральной

Письмо въ редакцію.

М. г. Я еще разъ вынужденъ просить у васъ гостеприимства для помѣщенія нѣсколькихъ словъ,—касающихся моей пьесы: „Эроса и Психеи“,—которыми я—въ виду заявленія г-жи Щепкиной-Куперникъ—долженъ объяснить дѣло.

Въ юнѣ 1907 года, еще *передъ* заключеніемъ съ г. Ал. Вознесенскимъ договора, по которому я выдалъ авторизацію исключительно ему, какъ переводчику „Эроса и Психеи“,—получилъ я письмо отъ г-жи Щепкиной-Куперникъ, въ которомъ она извѣщаетъ меня въ любезномъ письмѣ о томъ, что перевела и будетъ печатать „Эроса“,—при этомъ предлагаетъ мнѣ присылать ей мои новыя драматическія произведенія—еще въ рукописи—для перевода. Послѣднему предложенію я не отказалъ, а что касается „Эроса и Психеи“, я выразилъ мое удовольствіе, что моя пьеса заслужила у нея вниманіе и просилъ, чтобы она мнѣ прислала въ свое время печатный экземпляръ перевода.

Объ *авторизаціи* и разговора не было, да и быть не могло: прежде всего потому, что г-жа Щепкина-Куперникъ *совсѣмъ* у меня *объ ней не просила и ни однимъ словомъ такого желанія не выразила*; во-вторыхъ: я не могъ-бы авторизовать перевода,—хотя-бы такой выдающейся писательницы и переводчицы, какъ г-жа Щепкина-Куперникъ,—не познакомившись съ нимъ прежде; рукописи-же своего перевода г-жа Щепкина-Куперникъ мнѣ не прислала.

Спустя нѣсколько недѣль, обратился ко мнѣ г. Ал. Вознесенскій съ просьбой авторизовать его переводъ „Эроса“, присылая мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ экземпляръ переведенной пьесы. Переводъ очень мнѣ понравился и я охотно выдалъ ему желанную авторизацію.

Мнѣ въ высшей степени непріятно, что все это было поводомъ—для г-жи Щепкиной-Куперникъ—къ недоразумѣнію. Оцѣнивая ея талантъ какъ писательницы и переводчицы, я могу только радоваться, что она интересуется моими произведеніями,—но все-же это не измѣняетъ дѣла: *единственный одобренный и авторизованный мой переводчикъ* „Эроса и Психеи“—это господинъ Александръ Вознесенскій, и ему только одному я далъ *право постановки этой пьесы на русской сценѣ*,—а потому я мое первое заявленіе въ почтенномъ журналѣ вашимъ поддерживаю и оставляю его во всей его силѣ.

Примите, глубокоуважаемый господинъ редакторъ, увѣреніе въ моемъ полномъ уваженіи.

Бернъ, Hallerstrasse 1.

Юрій Жуковский.

Новыя изданія „Театра и Искусства“.

Черные вороны. Пьеса въ 5-ти дѣйств. В. В. Протопопова. (Дозволена къ представ. безусловно „Прав. Вѣст.“ № 256 отъ 18 окт. 1907 г.). Эта пьеса, идущая уже третью недѣлю ежедневно въ „Петербургскомъ театрѣ“, не требуетъ особенной постановки. Три декорации—очень простыя. Первое и третье дѣйствіе могутъ идти въ обыкновенномъ павильонѣ: необходимо только широкое окно на заднемъ планѣ, т. к. въ немъ постоянно появляются фигуры дѣйствующихъ лицъ. Второй и четвертый актъ—въ комнатѣ съ бревенчатыми стѣнами, пятый тоже въ обыкновенномъ павильонѣ, который можно поставить угломъ, какъ это сдѣлалъ г. Арбатовъ въ „Петерб. театрѣ“ (см. снимокъ въ „Театрѣ и Искус.“ № 42). Ролей девятнадцать, но много мелкихъ. Главныя роли: для *ingénue dramatique* (въ „Пет. театрѣ“ играетъ бывшая артистка театра Коммиссаржевской г-жа Шиловская), двѣ характерныя (г-жи Шателенъ и Любимова), *grande coquette*, (г-жа Арбелина), любовника, характерной бытовкой (матушки—г-жа Корчагина) двухъ характерныхъ актеровъ и старика. Пьеса написана опытнымъ драматургомъ, съ такими детальными ремарками, что въ режиссерскѣмъ отношеніи работа здѣсь нетрудная. Хорошей режиссерской инсценировки требуютъ только двѣ массовыя сцены—въ началѣ второго акта, во время раднія, и въ началѣ четвертаго—передъ пріѣздомъ „учителя“. Во второмъ актѣ въ толпѣ должны слышаться затаненныя вздохи, шопотъ, плачь, заунывные истерическіе вопли, можно даже кликушествовать: впечатлѣніе должно быть жуткое. Въ четвертомъ актѣ—наоборотъ: сцена обирания публики сектантами—комическая. Въ финалѣ четвертаго акта, г-жа Шиловская (Елена Сергѣевна) дѣлаетъ очень красивый пріѣмъ, не указанный авторомъ, но часто вызывающій аплодисменты: послѣ словъ „сами вы дьяволы... хуже дьяволовъ...“ она срываетъ съ головы платокъ и бросаетъ его къ ногамъ сектантовъ. Въ пятомъ актѣ, артисты „Петерб. театра“ начинаютъ заключительную сцену не по пьесѣ: авторъ измѣнилъ ее на репетиціи, когда пьеса уже была напечатана.

Послѣ словъ Варвары: „Проведи меня матушка...“ раздается звонъ разбиваемаго стекла и въ окно врываются Викторъ Александровичъ и Спиридонъ Сампсоновичъ—выходить театральные.

Въ „Петер. театрѣ“ наиболѣе сильное впечатлѣніе производятъ второй, четвертый и пятый акты. Слѣдуетъ вести въ возможно быстромъ темпѣ финалъ перваго акта и весь третій актъ, за исключеніемъ сцены Краевой и Спиридона Сампсоновича, которая всегда вызываетъ аплодисменты послѣ словъ Спир. Самп.: „Зовите... повторю... и еще добавлю“. Въ третьемъ актѣ особенно важно, чтобы актеръ, играющій Виктора Александровича, не затягивалъ свои нѣсколько публицистическія разсужденія о сектантствѣ.

Внѣче изъ электрическихъ лампочекъ можетъ, во второмъ актѣ, или опускаться надъ головой Матушки, или загораться на стѣнѣ. Но предварительно онъ непременно долженъ быть скрытъ отъ публики такъ, чтобы его появленіе было совершенно неожиданно. Въ „Пет. театрѣ“ внѣче опускаютъ изъ-за небольшой занавѣски, которую незамѣтно раздраживаетъ Иванъ, стоящій у кресла Матушки. Въ четвертомъ актѣ эта занавѣска убрана.

Въ общемъ, „Черные вороны“, въ смыслѣ постановки, пьеса совсѣмъ несложная и можетъ быть легко исполнена въ любомъ театрѣ.

Религія красоты. Общество улучшенія человѣческой породы. Пьеса въ 5 дѣйствіяхъ Франка Ведекинда. Переводъ Елены Кугель.

„Когда люди поймутъ значеніе красоты и станутъ цѣнить ее выше жизни и богатства, это облагоухаетъ ихъ скорбь, чѣмъ стремленіе къ общей сытости“—такое одно изъ основныхъ положеній новаго произведенія Ф. Ведекинда. По мысли героя пьесы Карла Гетмана возникаетъ общество улучшенія человѣческой породы, ставящее своей высшей цѣлью культъ красоты и борьбу съ „феодализмомъ любви“, порожденіемъ буржуазной морали современнаго общества.

Вокругъ убѣжденнаго проповѣдника и стойкаго борца группируются разнаго сорта гешифтмахеры, дѣльцы, пѣноксиматели, обратившіе пропаганду свободнаго чувства во имя культа красоты просто въ проповѣдь свободной любви въ грубомъ, матеріальномъ смыслѣ этого слова. Карлъ Гетманъ за смѣлую газетную пропаганду своихъ мыслей попадаетъ въ тюрьму; затѣмъ во время его лекціи одинъ изъ его сотрудниковъ объявляетъ его сумасшедшимъ, и Гетмана помѣщаютъ въ пріютъ душевно-больныхъ на испытаніе. По выходѣ оттуда онъ считаетъ свое дѣло совершенно проиграннымъ и послѣдней каплей, переполнившей чашу его терпѣнія и стойкости, является предложеніе директора цирка выступать у него въ представленіяхъ въ роли „Глупаго Августа“, который всегда натывается на препятствія, опаздываетъ, и помогаетъ тому, кто можетъ отлично обойтись безъ него. Поэтому публика надъ нимъ смѣется“. Этого Гетманъ не вынесъ и по уходѣ цирковаго директора повѣсилъ.

Ролей въ пьесѣ: женскихъ 4, мужскихъ—9. Распределеніе по амплуа въ виду рѣзкихъ, характерныхъ особенностей возможно только относительное, главнымъ же образомъ, (режиссеру слѣдуетъ считаться съ индивидуальными данными исполнителей, что въ особенности слѣдуетъ имѣть въ виду при назначеніи роли К. Гетмана.

Есть исполнители, которые владѣютъ искусствомъ вносить неуловимо-драматическое начало въ самыя шаржированныя роли. Ихъ несомнѣнно захватитъ задача заставить почувствовать трогательную и наивную душу, которая свѣтится за всѣми нелѣпыми выходками главнаго героя пьесы.

Главныя роли пьесы: Фанни Кетлеръ—молодая героиня, Берта Лаунгардъ—молодая характерная, Княг. Зоненбургъ и м-ссъ Грантъ—пожилыя *grande-dame*, Рудольфъ Лаунгардъ—молодой резонеръ, Генрихъ Геллингаузенъ—характерный любовникъ, Пьетро Морозини—любовникъ фатъ и Баронъ фонъ Брюль—любовникъ-неврастеникъ. Костюмы современные, имѣются авторскія ремарки. Декорации 4: Д. I—Садъ веранда богатой виллы (самой виллы не видно), изящная садовая рѣсotka съ калиткой: Д. II. Редакція газеты: Д. III—Въ Скромно меблированная комната съ альковомъ. Д. IV—Гостинная большого учрежденія, обращенная въ буфетную комнату по случаю происходящей публичной лекціи. Постановка съ внѣшней стороны не представляетъ особыхъ трудностей.

Намъ пишутъ изъ **Москвы**: За истекшій, съ 15 сентября по 15 октября, мѣсяцъ въ театрѣ Солодовникова были возобновлены—опера „Сонъ на Волгѣ“, давшая 9 хорошихъ сборовъ (болѣе 1300 р. на кругъ), затѣмъ „Жидовка“ и „Фаустъ“, поставленные по 4 раза, „Евгеній Онѣгинъ“ „Демонъ“—по 3 раза, „Русалка“—2 раза, „Карменъ“—1 разъ, оперетки: „Корневильскіе колокола“ и „Прекрасная Елена“—по 3 раза

и, наконецъ, возобновленъ „Борисъ Годуновъ“, опера Мусоргскаго, прошедшая 3 раза съ хорошимъ сборомъ, хорошимъ „brío“ и съ прекрасно срететованнымъ, спѣвшимися ансамблемъ.

Въ оперѣ „Борисъ Годуновъ“ была восстановлена, почему то всегда опускаемая, сцена „псдѣ Кромаи“. Инициаторомъ восстановления этой сцены былъ г. Куперъ, объявившій ожесточенную войну всѣмъ „казеннымъ“ купюрамъ. Изъ длинной плеяды пѣвцовъ и пѣвицъ, продефилировавшихъ уже на сценѣ Солодовниковаго театра, прочныя позиціи заняли г-жи Гущина, Томская, Стеценко-Мезенцева, Каренина, гг. Сперанскій, Томскій, Шевелевъ, Селявинъ и Улухановъ, перешедшій въ т-во изъ театра г. Зимина. Также имѣютъ успѣхъ—г-жи Дубровская, Каратаева, Ратмірова, Донской, Арцимовичъ, Гелецкій и Мозжухинъ.

Многіе изъ пѣвцовъ и пѣвицъ до сихъ поръ еще не выступали, по причинамъ составляющимъ тайну театральной администраціи, которая въ то же время почему-то приглашаетъ въ дѣло новыя силы, такъ—въ оп. „Евгеній Онѣгинъ“, 11 октября, дебютировала г-жа Борина, кстати сказать, не совсѣмъ удачно. Какъ въ фактѣ приглашенія ненужныхъ артистовъ и артистокъ, такъ въ системѣ вообще веденія всего дѣла въ т-вѣ чувствуется какая-то неналаженность. Определеннаго репертуара нѣтъ, спектакли обставляются небрежно, ставятся наскоро, не достаточно срететованные, проходятъ неуверенно и вяло. Это явленіе общее, счастливымъ исключеніемъ были только постановки оперъ „Сонъ на Волгѣ“, „Ев. Онѣгинъ“ и „Борисъ Годуновъ“.

Въ засѣданіи общаго собранія т-ва на эту сторону дѣла обратили серьезное вниманіе, теперь собрана коммисія, которая и будетъ вѣдать дѣлами т-ва. Нужно полагать, что промахи прошлаго мѣсяца, сказавшіеся въ спѣшной постановкѣ спектаклей—не повторятся, иначе товарищество можетъ ожидать такой же плохой матеріальный результатъ, какой обрисовался въ этомъ мѣсяцѣ, за который взято 35 тысячъ и выдано на марку по 30 коп. вмѣсто рубля.

Въ слѣдующемъ мѣсяцѣ т-вомъ намѣчены къ постановкѣ оп. „Донъ-Карлосъ“ (дирижируетъ г. Варбини) и новая постановка оперетки „Орфей въ аду“ (дирижируетъ г. Куперъ).

Совсѣмъ не то отношеніе къ дѣлу наблюдается въ театрѣ г. Зимина. И здѣсь есть недочеты, и здѣсь не все безукоризненно и не все на мѣстѣ, но чувствуется единство работы. Только бы побольше энергіи! Для дѣла, начавшагося за мѣсяцъ до открытія сезона, обладающаго во всѣхъ отношеніяхъ такими широкими ресурсами,—за истекшее время сдѣлано мало. Даны были оперы: „Орлеанская дѣва“—4 раза, „Демонъ“—3 раза, „Евгеній Онѣгинъ“—4 раза, „Пиковая Дама“—5 разъ, „Севильскій цирюльникъ“—4 раза, „Лакме“—3 раза, „Заза“—2 раза, „Сынъ мандарина“—2 раза, „Травиата“—2 раза. Но поставлены были интересно только „Орлеанская Дѣва“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Пиковая Дама“ и „Лакме“, остальное шло по старому „дѣдовскому“ шаблону. Въ отношеніи костюмовъ и декорацій обставляются оперы болѣе чѣмъ роскошно, но я касаюсь пѣсе еп сѣп-ной стороны ихъ, почему и говорю, что остальные оперы поставлены по шаблону. Въ постановкѣ ихъ—детальной разработки, глубокаго изученія, такой тщательности монтировки, какую дали въ оп. „Орлеанская Дѣва“, уже не наблюдается. Способный режиссеръ, даровитый капельмейстеръ, труппа, составленная изъ хорошихъ вокальных силъ, любящій свое дѣло директоръ—все сдѣсь на лицо. Вотъ почему отъ могущаго дать много и спрашивается больше. А г. Зиминъ дѣйствительно имѣетъ многое. Г-жа Люце—настоящая пѣвица. Г. Вочаровъ—голосъ. Г-жа Петрова-Званцева—и пѣвица и талантливая артистка. Гг. Каржевнъ, Севастьяновъ, Цѣтковъ, Каміонскій, Брунъ, Осиповъ, Петровская, Ростовцева, Вѣковъ—это силы, съ которыми легко работать. И публика ихъ любитъ, что доказываетъ, охотно посѣщая спектакли и давая все время Новому театру хорошіе сборы. Значитъ, больше работы гг. режиссеровъ, и дѣло г. Зимина будетъ давать полные сборы. Въ труппу приглашенъ новый теноръ г. Алчевскій—это несомнѣнно еще плюсъ въ дѣлѣ. Въ текущемъ мѣсяцѣ обѣщаны три новыя постановки: „Колоколъ пустытника“ и „Гугеноты“ въ новой постановкѣ и „Кармень“, въ декораціяхъ, за рисунки которыхъ ихъ авторамъ присуждена премія. Матеріальный результатъ истекшаго мѣсяца—очень хорошій. N. N.

По Провихціи.

Бану. Италіанская опера бр. Гонсалесъ, ставящая спектакли въ Общественномъ собраніи, не можетъ похвастаться сборами.

Витебскъ. Дѣла драматической труппы Е. А. Вѣляева очень

МОСКОВСКІЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕАТРЪ.

„Борисъ Годуновъ“.

Царь Борисъ (г. Вишневскій).

„Неужели и лупа не помогаетъ и я—только „Вишневскій“.—
(Шаржъ). Рис. Ф. Меньшова.

хороши. На кругъ сборы идутъ—275 руб. „Эросъ и Психея“ прошла уже 4 раза при полныхъ сборахъ.

Опера г. Вѣляева (Вильна, Минскъ) за первый мѣсяцъ сдѣлала 18000 руб.

Казань. Съ 8 сентября по 8 октября въ городскомъ театрѣ дано 27 вечернихъ спектаклей и три утреннихъ, валового сбора взято—21,777 р. 71 к., тогда какъ въ прошломъ году за это время взято (сезонъ г. Мандельштама) 20,051 р. 10 к. На кругъ каждый вечерній спектакль далъ 777 р. 84 к. и каждый утренній по 258 р. 05 к. Были поставлены оперы: „Русалка“, „Севильскій Цирюльникъ“, „Паяцы“, „Пиковая дама“, „Фаустъ“, „Дубровскій“, „Демонъ“, „Гугеноты“, „Кармень“, „Риголетто“, „Аида“, „Лакме“, „Евгеній Онѣгинъ“, „Царская невѣста“, „Заза“ и „Жизнь за Царя“. Самый большой сборъ дали оперы „Гугеноты“ (1150 р. 85 к.), „Дубровскій“ (1016 р. 19 к.), „Жизнь за Царя“ (1,116 р. 44 к.) и „Русалка“ два раза (2,173 р. 45 к.).

— Въ пополненіе состава оперной труппы товариществомъ приглашены Э. Ф. Воброва-Пфейферъ и г. Правдинъ (басъ).

Кіевъ. Г. Дуванъ-Торцовъ въ коммерціи толкъ понимаетъ. Въ театрѣ „Соловцовъ“ онъ „насаждаетъ“ чистое искусство. Со сцены даже рефераты читаютъ. Совсѣмъ народный университетъ. Но въ то же время, въ видахъ сохраненія „политическаго равновѣсія“, г. Дуванъ снялъ театръ коммерческаго клуба для постановки „Ніобеи“.

Было бы еще съ полбѣды, еслибы для „ніобеевскаго“ репертуара онъ составилъ спеціальную труппу. Заставлять же артистовъ театра „Соловцовъ“, приглашенныхъ на серьезное дѣло, разыгрывать фарсы, это, такъ сказать, номеръ сверхъ программы.

„Зачѣмъ утруждать артистовъ, и безъ того обремененныхъ работой въ своемъ главномъ театрѣ, мало интересной работой въ маленькой комнаткѣ, приспособленной для сцены?“ задаетъ справедливый вопросъ „Кіевск. Мысль“.

Но есть еще и другая сторона вопроса. Въ той же газетѣ читаемъ:

„Насаждать „культуру“ по указкѣ людей, раздающихъ у входа всѣмъ своимъ посѣтителемъ плакаты съ воззваніями въ пользу Проценковъ и Храпалей, какъ-то даже жутко“...

Это называется — игра на два фронта,—и нашимъ и вашимъ...

Кіевъ. Въ труппу городского театра приглашенъ А. Филиппи-Мышуга. Будетъ приглашенъ также еще одинъ бари-

тонь. Готовится къ постановкѣ „Царь-Плотникъ“ и опера Чайковского „Юланта“.

— Противъ порнографіи. Полицеймейстеръ обратился къ антрепренеру фарса С. Н. Новикову съ слѣдующимъ предложениемъ:

„Разрѣшивъ къ постановкѣ на сценѣ театра „Фарсъ“ пьесу „Пробужденіе весны“, я прошу васъ предупредить режиссера и артистовъ труппы, чтобы означенная пьеса была поставлена во всемъ согласно представленному цензурованному экземпляру, т. е. чтобы артисты строго придерживались вычеркнутыхъ цензурой мѣстъ, въ противномъ случаѣ пьеса будетъ воспрещена къ представлению. Независимо этого пользуюсь случаемъ увѣдомить васъ, что при исполненіи на сценѣ театра „Бергонье“ нѣкоторыхъ пьесъ, какъ, напр., „Амуръ и Кло“, артисты фарса по большей части выходятъ изъ границъ приличія, допуская во время игры неопозволительныя тѣлодвиженія и вставляя отъ себя двусмысленныя слова и фразы. Въ виду того нахожу необходимымъ просить васъ обратить вниманіе на подобное поведеніе артистовъ на сценѣ и въ будущемъ, при исполненіи ими пьесъ, не допускать отступленій отъ существующихъ на сей предметъ правилъ и распоряженій правительства, въ противномъ случаѣ администрація вынуждена будетъ вмѣшаться и принять мѣры къ недопущенію пьесъ, затрагивающихъ общественную нравственность“.

Кострома. Товарищество „Новой драмы“ ведетъ серьезный репертуаръ. Это очень хорошо. Но не хорошо то, что товарищи, если судить по отзывамъ мѣстной газеты „Поволжскій Вѣстникъ“, играютъ „по новому“. О спектаклѣ—„Смерть Іоанна Грознаго“—читаеъ:

„Г. Шатерниковъ (Гарабурда) преждевременно убилъ Іоанна Грознаго (г. Пѣвцовъ) и прекрасно сдѣлалъ, потому что, насколько извѣстно. Грозный не страдалъ тикомъ и судорогами, которыхъ г. Шатерниковъ очень старательно передавалъ“.

И далѣе: „По нашему мнѣнію не слѣдовало Іоанну Грозному послѣ чтенія синодика ползати на четверенькахъ, ибо это не усиливаетъ драматическаго эффекта и положительно расходится съ исторической правдой“.

„Публики было сравнительно много, но большая часть ушла не дожидаясь конца спектакля“.

Николаевъ. А. М. Каралли-Торцовъ готовить къ постановкѣ циклъ пьесъ Г. Ибсена. Въ первую очередь представлень — „Брандъ“.

Н.-Новгородъ. Репертуаръ гор. театра — „Брандъ“ Ибсена (4 раза), „Фарисей“ (3 раза), „Волна“, „Воръ“ и двѣ ближайшія новинки: „Рафльсъ“ и „Богъ мести“.

Одесса. Дѣла оперетки С. Н. Новикова нельзя назвать плохими. За первый мѣсяцъ (съ 15 сентября по 15 октября) выручено 21,473 р. 31 к. или на кругъ по 715 р. 77 к.

— Антрепризой Городского театра выручено было за первую половину октября 12,225 руб. Дано было 15 спектаклей. Наилучшіе сборы дали: „юбилейный“ (2,118 руб.) и „Пробужденіе весны“ (3 спектакля дали почти полные сборы). Пьеса прошла уже 6 разъ. Матеріальный успѣхъ лучше прошлогодняго за то же отчетное время.

Послѣдняя новинка „Мораль пани Дульской“ дѣлаетъ слабые сборы. Готовится къ постановкѣ „Электра“.

— Заболѣла артистка гор. театра г-жа Шухмина. Она отправлена въ Москву въ лечебницу.

Полтава. Кіевская газета „Рада“ сообщаетъ, что полтавская администрація запретила украинской труппѣ г. Сѣксаганскаго печатать афиши на украинскомъ языкѣ.

Ростовъ-на-Дону. Съ 18 октября въ труппѣ С. И. Крылова состоялся первый выходъ П. В. Самойлова въ „Безъ вины виноватые“. Г. Самойловъ выступить въ своемъ старомъ репертуарѣ. Изъ новыхъ пьесъ г. Самойловъ включилъ въ свой репертуаръ одноактную пьесу „Далекая принцесса“ изъ трилогіи Зудермана „Розы“. Первый выходъ г. Самойлова собралъ полный театръ и сопровождался большимъ успѣхомъ. Труппа г. Крылова пополнилась также оправившимся послѣ двухмѣсячной болѣзни С. Н. Нерадовскимъ.

— Мѣстное артистическое общество на краю гибели. Изъ доклада, читаннаго на послѣднемъ засѣданіи общества, видно, что общество погрязло въ долгахъ.

А между тѣмъ 24 октября судъ, наступить полнѣйшій разгромъ. Постановлено обратиться за помощью къ городу.

Затѣмъ общее собраніе единогласно избрало г. градоначальника почетнымъ членомъ общества и постановило просить его быть президентомъ.

Градоначальникъ-президентъ артистическаго общества — это во всякомъ случаѣ ново...

Самара. Антрепренеръ городского театра г. Кручининъ обратился въ городскую управу съ ходатайствомъ о сдачѣ ему въ арендное пользованіе Пушкинскаго народнаго дома для устройства въ немъ по праздничнымъ днямъ дешевыхъ спектаклей.

Саратовъ. И. А. Панормовъ-Сокольскій въ театрѣ Очкина не желаетъ разставаться съ „Черными воронами“. Пьеса прошла уже 12 разъ. Это въ Саратовѣ-то!.. Нужно принять во вниманіе, что за это время и г. Соболевъ-Самаринъ

успѣлъ сыграть пьесу нѣсколько разъ въ гор. и общедост. театрахъ. Теперь г. Соболевъ ставитъ „Пробужденіе весны“, причемъ въ газетныхъ анонсахъ „пьеса рекомендуется вниманію родителей и лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ воспитаніе дѣтей“.

Пьеса дѣлаетъ полные сборы и въ публикѣ вызываетъ разнорѣчивые и рѣзко противоположные отзывы.

Таганрогъ. Съ 22 октября опереточную труппу С. И. Крылова смѣняетъ приѣзжающая сюда изъ Новочеркасска драма г. Крылова. Оперетка дѣлала солидные сборы. Симпатіей публики пользовались г-жи А. А. Сергѣева (лирич. пѣв.) и С. М. Жулинская гг. Градовъ (режиссеръ), Чугаевъ (баритонъ) и Чужбиновъ (комикъ).

Оперетка переѣзжаетъ въ Новочеркасскъ.

Тифлисъ. Въ Тифлисѣ организовалось новое товарищество армянскихъ драматическихъ артистовъ, которое на-дняхъ предполагаетъ совершить артистическое турнѣ. Труппа сначала посѣтитъ Батумъ, откуда послѣ двухъ спектаклей отправится въ разные города Закаспійскаго края. Въ составъ труппы входятъ: г-жи Луснтакъ, Анаитъ, Вардигеръ; гг. Аганянъ, Мануакянъ, Нубаръ, Шаенъ, Танянъ и др.

Тула. Губернаторъ запретилъ къ постановкѣ пьесу Л. Л. Толстого „Братя помѣщики“.

Харьковъ. 20-го октября открылся еще одинъ драматическій театръ въ театрѣ-циркѣ Грикке. Труппа Д. Н. Болдырева. Цѣны назначены общедоступныя: сборъ съ 1100 руб. пониженъ до 750 руб. Для открытія шла „Каширская старина“.

— Въ гор. театрѣ прошла новая пьеса „Дѣльцы“ І. Колышко. „Сестра Беатриса“ и „Чудо странника Антонія“ идутъ въ одинъ вечеръ „Волна“ („Безпечальные“) прошла 4 раза.

— Товарищество оперныхъ артистовъ, играющее въ коммерческомъ клубѣ, сдѣлало за первый мѣсяцъ валового сбора 31,239 р. 45 к. Члены товарищества, за покрытіемъ всѣхъ расходовъ, получили полнымъ рублемъ.

Провихціальная лѣтопись.

РОСТОВЪ на-ДОНУ. 4-го октября, при хорошемъ сборѣ, въ пьесѣ „Мама-птичка“ выступила М. А. Юрьева. Публика, при ея появленіи, привѣтствовала цвѣтами, традиционными билетиками и апплодисментами. Ее очень любили еще во времена Синельникова и на билетикахъ это сказали: „нашей дорогой любимицѣ“.

Въ теченіи послѣднихъ десяти дней у насъ—прошли три пьесы изъ еврейской жизни: „Въ городѣ“ Юшкевича, „Слушай Израиль“ О. Дымова и „Богъ мести“ Шолома Аша. Меня интересуетъ вопросъ: почему играютъ переводныя пьесы на общечеловѣческомъ языкѣ, и только еврейскіе съ акцентомъ? И имя автора Шолома Аша, и имена дѣйствующихъ лицъ, гримъ, костюмъ — развѣ это мало говорить, изъ какой жизни пьеса? Развѣ нужно растягивать, чуть ли не распѣвать, фразы во вкусъ разсказовъ покойнаго Вейнберга? Развѣ сама постановка фразъ—прислушайтесь только—не говоритъ вамъ о ихъ происхожденіи? Эти „Богъ поможетъ, Богъ поможетъ“ это звучитъ такъ специально. А фразы: „я даю вамъ честную, еврейскую дочь“, „честное еврейское дитя“ это можно произнести только по-еврейски. И какъ это красиво было, когда чаша исполнителей (г-жа Лавровская, Динская, гг. Гаринъ, Маликовъ) пѣли, другая часть (г-жи Волконская, Петровская, Петрова; г. Медвѣдевъ и др.) говорили на обыкновенномъ, человѣческомъ языкѣ. Что это выходила за какофонія — можно себѣ представить. Я въ большой претензіи на такую умную, опытную артистку какъ г-жа Лавровская, на такого актера, какъ г. Гаринъ. Неужели художественное чутье не подсказало имъ, что это акцентированіе (ими оно названо тонованіемъ) сплошное безобразіе.

Такъ пропала у насъ драма Шолома Аша.

14-го октября въ Нахичеванскомъ городскомъ театрѣ начинается драматическій сезонъ труппы подъ управленіемъ г-жи фонъ-деръ-Лауницъ (по сценѣ Правдина) и М. Н. Онѣгина. Первая ростовцамъ и нахичеванцамъ неизвѣстна, второй — старый знакомый ростовцевъ, въ прошломъ году зимою державшій Рыбинскъ, лѣтомъ Бахмутъ, энергичный, настойчивый предприниматель.

Мнѣ очень нравится открытіе сезона пьесой „Горе отъ ума“. Это можетъ послужить укоромъ С. И. Крылову, правда, въ силу необходимости (несвоевременный приѣздъ г-жи Юрьевой и г. Нерадовскаго) начавшаго сезонъ легкой комедіей „Фарисей“. Хорошо и то, что подчеркивается — въ теченіи сезона всѣ новинки и ни одного фарса!

Хорошенькій, удобный театръ. Красивый городъ съ 40 тысячнымъ населеніемъ. Льготныя условія сдачи театра пред-

принимателямъ. Электрическій трамвай въ Ростовѣ, 20 минутъ ѣзды. Все такъ хорошо, все благоприятствуетъ материальному успѣху, но въ итогѣ: Нахичевань самъ по себѣ не можетъ наполнять театр. Большинство жителей ремесленники, рабочіе, мелкіе торговцы—для нихъ театръ особенно русскій, еще звукъ пустой. Горсточка интеллигенціи — при всемъ желаніи, не могутъ своимъ посѣщеніемъ окупить расходы сезона. Было два сезона, когда русская драма продержалась зиму, даже предприниматели получили барыши (Бѣляевъ Е. А., Струйскій П. П.) но это было еще тогда, когда въ Ростовѣ былъ одинъ зимній театръ и въ немъ опера, когда ростовцы ѣздили на драму въ Нахичевань. Уже по бюджету, само собой разумѣется, Нахичевань не можетъ дать лучшей драмы чѣмъ Ростовъ. Не можетъ же онъ платить артисткѣ тысячные оклады въ мѣсяцъ, не можетъ же онъ приглашать гастролера и платить сотни за выходъ. Видимо, вся надежда на вторую половину сезона, когда въ Ростовскомъ театрѣ, на смѣну драмы придетъ оперетка.

Есть еще выходъ. Въ Нахичевани, давно уже, существуетъ любительскій кружокъ, съ Г. И. Чубаровымъ во главѣ. Члены кружка — между ними много талантливыхъ — играютъ и на русскомъ и на армянскомъ языкѣ: если бы давать хотя бы два спектакля въ недѣлю смѣшанныхъ—тогда потянулись бы и нахичеванцы. На спектакли, играемые на армянскомъ языкѣ, особенно на нахичеванскомъ, мѣстномъ, своеобразномъ — нахичеванцы охотно идутъ.

П. В. Самойловъ выступаетъ въ „Безъ вины виноватые“ 18 октября. Къ тому же времени, пожалуй, начнетъ играть и Нерадовскій, окончательно оправившійся отъ болѣзни. Въ материальномъ отношеніи дѣла не подвинулись впередъ. Въ оперѣ дѣла тоже ниже первыхъ двухъ недѣль, но пока настолько еще хороши, что вполне оплачиваютъ всѣ расходы дѣла. Въ лѣтнихъ садахъ, на улицахъ, благодаря чисто весенней погодѣ масса гуляющей публики. Переполнены и кинематографы разныхъ наименованій.

Артистическое общество, правленіе котораго никѣмъ не избиралось, шумить. Членовъ осталось горсточка, исполнительныхъ листовъ цѣлый ворохъ. А тутъ пошли дѣла семейныя. Г. Богатыревъ (художникъ) обвиняетъ правленіе въ захватѣ денегъ принадлежавшихъ художественнымъ классамъ, правленіе съ своей стороны обвиняетъ Богатырева въ самоуправствѣ. Имущество расхищается — вчера украдены 4 электрическихъ фонаря стоящіе 400 рублей. Кредиторы нажимаютъ—все что поцѣннѣ описано судебнымъ приставомъ. И цѣнное якобы, тоже не имѣетъ никакой цѣнности. Театръ деревянный, большой, удобный съ каменной сценой, стоившій 20 тысячъ, построенъ на городской землѣ (въ Новопоселенскомъ городскомъ саду). Пока въ немъ „представляли“ таланты въ роляхъ Кучеряева, Радіонова, Гильо, Татариновой 2-й и др., пока, какъ въ это лѣто, преслѣдуя просвѣтительныя задачи, давали танцевальныя вечера и ставили съ одной репетиціи сногшибательныя, трескучія мелодрамы, театръ все-таки представлялъ цѣнность, но теперь, назначенный въ продажу на сносъ—цѣнность его—10 сажень дровъ для подтопки печей. И только лишь три-четыре года, на этомъ мѣстѣ, я говорилъ иное, я вѣрилъ въ это дѣло, я видѣлъ въ этомъ театрѣ большого конкурента другимъ лѣтнимъ театрамъ. Тогда работалъ Крамеръ и его единомышленники, приглашались въ помощь любителямъ профессионалы, режиссеромъ былъ Ивановскій, шелъ „человѣчскій“ репертуаръ — а когда, по политическимъ соображеніямъ, вытурили изъ общества и правленія „жидовъ и революціонеровъ“—дѣло въ 2 года пропало безвозвратно.

Б. Камневъ.

ТИФИСЪ. За двѣ недѣли труппа „Новаго театра“ г-жи Яворской вполне опредѣлилась. Бываютъ спектакли, которые могутъ удовлетворить даже строгаго зрителя, а случаются такія постановки, что остается только руками развести. Въ сущности говоря, репертуаръ пока держится на двухъ-трехъ артистахъ. Остальные подыгрываютъ. Г-жа Марченко артистка бесспорно даровитая; кромѣ Аютки во „Власти тьмы“, она прекрасно сыграла: Анну — „Слушай Израиль“, Ривкеле — „Богъ мести“, дѣвочку — „Нравственность г-жи Дульской“. Г-нъ Нератовъ артистъ вдумчивый, трудолюбивый, каждая роль детально отдѣлана. Сильно, съ подъемомъ проводитъ она роль Арона („Слушай Израиль“). Хорошій дядя Ваня. Тепло играетъ пастора Нансена („Всѣхъ скорбящихъ“), хотя для этой роли онъ слишкомъ грузенъ. Г. Аяровъ хорошій артистъ на характерныя роли. Въ пьесѣ „Богъ мести“ онъ создалъ яркую стильную фигуру Шепшовича. Но отсутствіе въ труппѣ героя-любownika (г. Шорнштейнъ еще не доѣхалъ изъ... Харбина) заставляетъ г. Аярова братья за роли вродѣ Астрова („Дядя Ваня“), Якимовича („Обреченные“), который у него выходятъ блѣдными. А за такія роли какъ Телятевъ („Бѣшенныя деньги“), мой искренній совѣтъ артисту не братья. Хорошая артистка на бытовые роли г-жа Адурская играетъ довольно рѣдко.

Г-жа Строгова... Вотъ артистка, которая уже нѣсколько лѣтъ прѣзжаетъ къ намъ съ Л. Б. Яворской, и только въ этомъ сезонѣ попала на свои настоящія роли—характерныхъ

старухъ (Дульская „Нравственность г-жи Дульской“, Сура — „Богъ мести“). Когда-же артистка появляется въ роляхъ свѣтскихъ grandes dames, то впечатлѣніе получается слабое. Г-жа Истомина обладаетъ сценической вышностью, красивымъ голосомъ. Въ исполненіи ролей—старательная позировка и декламация, но и только. Объ остальныхъ пока умолчу. Сама г-жа Яворская появляется передъ публикой рѣдко, за двѣ недѣли всего два раза: „Всѣхъ скорбящихъ“ и „Бѣшенныя деньги“. Лидію Чебоксарову г-жа Яворская играетъ мягче, чѣмъ прежде. Репертуаръ пестръ и неустойчивъ. Кромѣ помнутыхъ выше пьесъ, поставлены „Война“ г. Евреинова и сатира г-жи Запольской „Нравственность г-жи Дульской“, гдѣ особенно хороша была г-жа Строгова. Два режиссера труппы гг. Андреевъ и Соколовскій обставляютъ пьесы довольно тщательно, хотя безъ промаховъ не обходится. „Богъ мести“, напр., поставленъ утрированно. Зачѣмъ-то во 2-мъ актѣ понадобилось вставлять циничныя танцы. Сборы пока невелики.

Въ оперѣ поставили „Юланта“, „Снѣгурочку“, „Князя Игоря“. Г-жа Турчанинова все больше и больше завоевываетъ симпатіи публики. Она сумѣла создать чудные образы дѣвочки Снѣгурочки, Лакмѣ, Джильды. У артистки много граціи, изящества. А вотъ г. Махинъ начинаетъ разочаровывать. Выступать ему въ драматическихъ партіяхъ вродѣ Германа или Донъ-Хозе не слѣдуетъ. Не потому что у него нѣтъ темперамента. Напротивъ, „жару“ въ игрѣ хоть отбавляй. Характеръ, тембръ голоса, самая манера пѣть почти все время мецца воce для такихъ партій не годятся. Вообще, должно сказать, что въ тенорахъ товарищество ощущаетъ большой недостатокъ. Появился было снова г. Михайловъ въ „Фаустѣ“, но настолько неудачно, что его опять спрятали. И г. Ахматову въ Синодалѣ не повезло, и Платонова перевели на вторыя партіи. Все это молодежь съ недурнымъ голосовымъ матеріаломъ, но безъ репертуара, и почти безъ школы. Несутъ весь репертуаръ гг. Махинъ и Саяновъ. Въ „Карменъ“ выступала г-жа Корсакова-Любанская. Роль повидимому продумана и отдѣлана въ деталяхъ, а впечатлѣніе слабое. Не хватаетъ огня. Да и голосъ г-жи Любанской не изъ блестящихъ: рѣзокъ на верхнихъ регистрахъ, со склонностью къ детонированію.

О „Князѣ Игорѣ“ поговорю подробнѣе. Опера эта не шла въ Тифлисѣ два сезона. Откровенно говоря, исполненіе „Князя Игоря“ на этотъ разъ не вполне меня удовлетворило. Начать съ того, что г. Энгель-Кронъ, исполнитель заглавной партіи, былъ не совсемъ въ ударѣ. Быть можетъ на него повліяло паденіе съ лошади въ прологѣ. Вся сцена въ полонецкомъ станѣ поэтому у артиста прошла блѣдно. А между тѣмъ данныя для хорошаго исполненія партіи у Энгель-Крона на лицо. Обширный діапазонъ голоса, внушительная вышность, прекрасная фразировка. Вотъ г. Сибирякову партія князя Галицкаго не по плечу. Тутъ мало одного красиваго голоса. Нужна декламация, ширь, размахъ—русская удалъ. Этихъ-то данныхъ у артиста не было. Мнѣ кажется было-бы лучше, если-бы Галицкаго пѣлъ г. Энгель-Кронъ, а партію Игоря поручили г. Леонидову, который успѣлъ выказать довольно много положительныхъ данныхъ: сильный свѣжій обширный голосъ, пріятнаго тембра, недурную фразировку. Г-жа Окунева въ вокальномъ отношеніи прекрасная Ярославна, но въ сценическомъ... Гдѣ же это видано, чтобы княгиня, управляющая за мужа цѣлымъ княжествомъ, чуть не поминутно брыкалась въ обморокъ. И гнѣвъ, и негодованіе въ сценѣ съ Галицкимъ, не удались г-жѣ Окуневой.

Тутъ мнѣ сдается успѣхъ на душѣ учителя сцены г. Акимова, который долженъ-бы сдѣлать молодой артисткѣ соответствующія указанія. Г. Махинъ (Владимиръ) былъ совсемъ не въ голосѣ (по болѣзни), а о г. Правдинѣ (Кончакъ) помолчу. Хороши были одни гудожники (гг. Платоновъ и Акимовъ) да хоръ, оркестръ и балетъ.

Еврейская труппа г. Ротштейна въ циркѣ влечитъ жалкое существованіе. Спектакли отменяются за отсутствіемъ сборовъ. Артисты буквально голодаютъ.

Пенснѣ.

РЫБИНСКЪ. Открытіе сезона въ городскомъ театрѣ состоялось 1-го октября при полномъ сборѣ пьесой кн. Барятинскаго „Перекаты“. Дальнѣйшіе спектакли „Весенній потокъ“, „Хаосъ“, „Жизнь человѣка“, „Склепъ“ и „Измѣна“ показали, что труппа составлена добросовѣстно и умѣло. Изъ труппы выдѣлились артисты г-жи Колосова, Лихомская и Грановская, гг. Казанскій, Вронскій и Дегтяревъ. Отмѣтимъ также г-жу Ильичевскую и гг. Ильнарского и Самойлова. Благодаря огромной энергіи и знанію дѣла руководителя труппы г. Казанскаго, также хорошей срепетовкѣ спектаклей, труппа все больше и больше завоевываетъ симпатіи публики. Составъ труппы: г-жи Колосова, Лихомская, Грановская, Ильичевская, Нилина, Крюкова, Диковская, Глѣбова, Кречетова и Корнилова; гг. Казанскій, Вронскій, Дегтяревъ, Юрьевъ, Михайловичъ, Ильнарскій, Черкасскій, Шабельскій, Чаровъ, Рутницкій, Подкаминскій и др. Главный режиссеръ Н. П. Казанскій, очередн. режиссеры: И. П. Вронскій и Л. А. Грацъ, помощникъ режиссера Г. А. Бербинъ, суфлеры: Л. А. Грацъ и М. Г. Рутенко, администраторъ Г. Я. Яковлевъ. Дѣла труппы очень хороши противъ прошлыхъ сезоновъ.

Мѣстный Театралъ.

УРАЛЬСКЪ. 1-го октября труппа драматическихъ артистовъ подъ дирекціей С. А. Катарскаго открыла зимній сезонъ. Въ составъ труппы вошли: героиня М. Я. Ваганова, ingénue dramatique Н. В. Натальская, ingénue comique К. С. Осипова, Райская, драм. ст. К. С. Степко, ком. ст. и grand dame А. В. Красовская, вторыя роли М. И. Никитина, изъ мужского персонала, герои Н. С. Агаповъ и Ф. Ю. Арскій, комикъ, онъ же и режиссеръ В. Н. Зимовой, ком. рез. и характерныя роли Л. В. Никитинъ, протакъ и водеvilный М. В. Субботинъ, второй резонеръ и характерный Х. И. Гриневъ, вторыя и третьи роли А. П. Минскій, онъ же помощникъ режиссера, суфлеръ З. П. Осипова. Дирекція въ анонсѣ объявляетъ новинки сезона. Театръ отремонтированъ, мебель приведена въ порядокъ, обита новой матеріей, декорации новыя. За смертью самого С. А. Катарскаго жена его осталась одна во главѣ труппы.

Для открытія была поставлена „Безправная“. Пьеса, хорошо поставленная режиссеромъ В. Н. Зимовымъ, прошла съ ансамблемъ.

КУЗНЕЦКЪ. Сар. губ. 9-го сентября закончила спектакли труппа Н. М. Радишева, игравшая съ 23-го апрѣля. Поставлено было всего 54 спектакля, причемъ валового сбора было взято свыше 6-ти тысячъ (около 120 рублей на кругъ).

ХАРБИНЪ. Открытіе сезона принесло обоимъ театрамъ—художественному и общедоступному, полные сборы. Это обстоятельство повидимому подогрѣло настроеніе артистовъ и первые спектакли идутъ съ прекраснымъ ансамблемъ.

Художественники познакомились съ публикой въ „Джентльменъ“. Знакомство, впрочемъ, началось еще съ товарищескаго завтрака, устроеннаго дирекціей послѣ молебна... Присутствовала въ полномъ составѣ труппа, представители прессы, кое кто изъ публики. Завтракъ прошелъ очень оживленно, говорили рѣчи, чокались...

Репертуаръ намѣченъ серьезный. Прошли: „Джентльменъ“, „Эросъ и Психея“—два раза, „Измѣна“, „Жизнь чловѣка“, „Татьяна Рѣпина“, „Семнадцатилѣтніе“. Крупной величиной зарекомендовала себя г-жа Писарева, артистка съ темпераментомъ и прекрасной школой. Очень тепло привѣтствовала публика своего стараго любимца г. Абрамова, превосходнаго

резонера, чуткаго, умнаго актера, на рѣдкость педантичнаго и строгаго ко всему, что касается сцены. Кромѣ него въ труппѣ „изъ прежнихъ“ остался г. Никольскій, совсѣмъ молодой артистъ, съ успѣхомъ занимающій амплуа второго любовника.

Въ общедоступномъ театрѣ, въ первый же спектакль, едва не случилась ужасная катастрофа. Антрепренеръ г. Когановъ и администраторъ г. Шишкинъ поторопились открыть дѣло, хотя зданіе театра, спѣшно передѣлывавшееся изъ цирка, не было еще окончательно готово. Краска на стѣнахъ не высохла, электричество не установили какъ слѣдуетъ, даже полъ остался невымытымъ...

Во время второго дѣйствія („Маскоты“—29 сент.) по корридору театра разнесся вдругъ сильный запахъ горѣлой резины. Сейчас же забѣгали пожарные, калельдинеры. администрація... Театръ былъ переполненъ, и въ случаѣ пожара спасти изъ зданія, представляющаго собой гигантскій ящикъ изъ тонкихъ досокъ—едва ли бы кому нибудь удалось. Къ счастью, какой-то пожарный обнаружилъ неисправный проводъ, отъ котораго начало уже тлѣть прилегающее къ нему дерево, и опасность была сейчасъ устранена. Но публика, почувствовавъ повидимому что-то неладное, поднялась съ мѣсть и бросилась къ выходамъ... Едва-едва успокоили ее нерастерявшіеся, энергичные, нѣсколько мужчинъ.

Изъ состава труппы успѣхъ выпадаетъ пока на долю г. Александровскаго, знакомаго харбинцамъ еще по антрепризѣ покойнаго Иванова.

Г. Александровскій располагаетъ богатымъ вокальнымъ матеріаломъ, очень умѣло имъ пользуется. Замѣтно выдѣляется молодой, талантливый комикъ г. Германъ. По прежнему хорошъ г. Гончаровъ.

D. Pante.

Редакторъ О. Р. Кутель.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмская).

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ.

Первое на югѣ оссии художественно-декоративное ателье.

Изготавливаетъ немедленно и по самымъ доступнымъ цѣнамъ

ВСЕ ДЛЯ СЦЕНЫ:

декорацию, обстановку, бутафорию, полное оборудованіе сцены по послѣднему слову театральн. техники.

Особо дешевыя смѣты для народныхъ театровъ, клубовъ и аудиторій.

Подробныя свѣдѣнія и смѣты требовать: Одесса, контора

художника **М. БАСОВСКАГО.**

М. Арнаутская, д. 60, кв. 18.

Вырѣжьте на память — пригодится.

52—12

ПОСЛѢДНІЙ КРИКЪ

моды. Бинокли для театровъ художественной работы лучшихъ французскихъ мастеровъ и художниковъ. Стилъ: Moderne, Vateau, Louis XIV, Pompadour etc. Колоссальный выборъ внѣ конкуренціи. Цѣны отъ 2 руб. 50 коп. до 200 руб.

Гг. артистамъ скидка 10%. Для гг. сценическихъ дѣятелей, страдающихъ часто головной болью — поразительная новостъ: охлаждающій никкелевый компрессъ. Моментальное облегченіе болей, даже во время одного антракта.

Цѣна съ пер. и упак. 3 руб. Требуйте, съ ссылкой на журналъ „Театръ и Искусство“, новые каталоги.

Много интереснаго для гг. артистовъ СПБ. Невскій, 6.

Оптикъ и механикъ **А. БУРХАРДЪ.**

5—3

„ПОДЪ УГРОЗОЙ“
драма въ 4 д. Кистемарса (автора пьесы „Пистингъ“), перев. г. Подилова.
рукоп. цензур. экз. 6 руб.

ДЛЯ АРТИСТОВЪ

трико, фуфайки, ватоны и пр. изъ шелка, шерсти, фильдекоса и бумаги, можно получить въ трпкотажномъ заведеніи

К. Шубертъ,

поставщика Императорскихъ театровъ. 12—2

Вознесенскій пр., д. № 36.

МАЙСКАЯ РОСА

лучшее средство, придающее лицу натуральную бѣлизну, нѣжность и красоту, удаляющее веснушки, угри, прыщи и морщины. Дѣйствіе замѣтно съ перваго употребленія! Пробное натираніе лица производится въ кабинетѣ „Майской Росы“ бесплатно.

Не кремъ, а прозрачная жидкость!!! Цѣна флакона 2 р. 50 к. продается исключительно у изобрѣтательницы

А. К. ВЕЙБЕЛЬ.

Спб. Екатерининскій кан. д. 49, кв. 25.
у Каменнаго моста.

Александровскій Театръ
Спб. ИСКУССТВА
и А. А. ПУМАЧАРСКОГО

ГРИМЕРЪ ТЕАТРАЛЬНЫЙ ПАРИКМАХЕРЪ

52—52

Народнаго Дома Императора Николая II и всѣхъ Императорскихъ театровъ о народной трезвости, а также дѣтняго и зимняго театра „Буффъ“, театра „Пассажъ“, театра „Фарсъ“ Тумшакова, театра „Фарсъ“ Казанскаго, Спб Зоологическаго сада и театра „Антѣй“ и прочъ частныхъ театровъ.
Получили за выставку въ Парижѣ Почетный дипломъ и медаль
Разошлю по провинціальнымъ театрамъ мастеровъ съ полнымъ гардеробомъ париковъ
Высылаю въ провинцію налож. платеж. всевозможные парики и бороды всѣхъ вѣковъ и характеровъ по самымъ дешевымъ цѣнамъ

12 тысячъ париковъ.
Геннадій АЛЕКСАНДРОВЪ.
Трѣхъ-курантъ бесплатно.
Магазинъ, мастерская и контора:
Кронверскій № 61.

Слабыя въ развитіи или въ учени отставшія дѣти, а также малокровныя, себя слабо чувствующіе и нервныя, переутомившіеся, легко раздражающіеся взрослые всякаго возраста употребляютъ, какъ укрѣпляющее средство, съ большимъ успѣхомъ.

Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ.

Аппетитъ увеличивается, душевныя и тѣлесныя силы повышаются, вся нервная система усиливается.

Имѣется во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

Требуйте только настоящій Гематогенъ Д-ра ГОММЕЛЯ и не допускайте называть себя поддѣлокъ.

Театръ благоустроенный

въ большомъ городѣ, на 1200 чел. продается съ перевод. долга очень выгодно, со всѣмъ инвентаремъ въ полномъ ходу. Театръ новый, камен. съ электрич. и паровымъ отоплен. Обращ. письмен. Кіевъ, Прованская ул., 7, кв. 6. Л. М. А. 5—2

НОВАЯ ПЬЕСА

„Смерть Шерлока Холмса“

др. въ 5 д. Я. М. Черкеза. Цѣна писанному на машинѣ экземп. 5 р. До изданія обратиться къ Я. Черкезу: Одесса, Покровская, собств. домъ.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛА ИЗЪ ЦЕНЗУРЫ
НОВАЯ ПЬЕСА:

„ПОСЛѢДНЯЯ КРАЖА РАФЛЬСА“

(Продолженіе Рафльса)
Комедія въ 4 дѣйств. Н. А. Смурскаго.
Цензурованный экземпляръ ц. 6 руб.
Въ союзъ драмат. писателей. 1—1

Собраніе 145 оперныхъ

Либретто

въ извѣстномъ переплетѣ

(„Спутникъ Меломана“)

Ц. 1 р. 25 к.

Выписыв. изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

Необходимо каждому театру.

Необходимо каждому театру.

НОВАЯ КНИГА. АННА САКСАГАНСКАЯ.

Драматическія сочиненія.

Томъ второй.

„На новую дорогу“. Пьеса въ 4 д.

„Внѣ закона“. Драма въ 3 д., 4 к.

„Безумная“. Драма въ 2 д. и 3 к.

ЦѢНА 2 рубля. 10—3

Продается въ конторѣ „Театра и Искусства“.

НОВЫЯ КНИГИ

А. В. Амфитеатрова.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ:

Т-во Общественная Польза. О.-Петербургъ,
В.-Подъаческая, 39, с. д.

ТОЛЬКО ЧТО ВЫШЛИ:

„Восьмидесятникъ“. Романъ. Томъ первый. „Разрушенныя вѣла“. Цѣна 1 руб. Второй томъ — „Крѣзь души“ — выйдетъ въ концѣ октября. Третье изданіе (9-я—18-я тысячи) сборника „Старое въ новомъ“. Цѣна 1 руб. Третье изданіе (9-я—13-я тысячи) сборника „Сказочныя были“. Цѣна 1 руб. Второе изданіе (6-я—10-я тысячи) сборника „Въ моихъ скитаніяхъ“. Цѣна 1 руб. Третье изданіе (11-я—15-я тысячи) романъ „Викторія Павловна“. Цѣна 1 рубль. Второе изданіе (6-я—10-я тысячи) сборникъ „Литературный альбомъ“. Цѣна 1 рубль. Второе изданіе: „Сибирскіе этюды“. Цѣна 1 рубль. 1907. Второе изданіе: „Страшная раздора“. Цѣна 1 рубль. 1907. Второе изданіе: „Марья Лусьена“. Цѣна 1 рубль. 1906. Второе изданіе: „Женское нестроеніе“. Цѣна 1 рубль. 1906. Второе изданіе: „Житаяская нажива“. Цѣна 1 рубль. 1906. „Легенды публициста“. 1906 г. Цѣна 1 рубль. „Курганъ“. 1906 г. Цѣна 1 рубль. „Контуръ“. 1907 г. Цѣна 1 рубль. „Сказанія времени“. 1907 г. Цѣна 1 рубль.

ВЫХОДЯТЪ:

„Восьмидесятникъ“. Томъ II. „Крѣзь души“. Третье изданіе: „Марья Лусьена“. Третье изданіе: „Женское нестроеніе“. Второе изданіе. „Курганъ“.

Во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ.

ПЕРВОЕ РОССИЙСКОЕ СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО

учрежденное въ 1827 г. заключаетъ:

I. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ ОГНЯ:

- Недвижимыя имущество всякаго рода.
- Движимыя имущество, постройки и машины.

II. СТРАХОВАНІЯ ЖИЗНИ:

- Страхуваніе капиталовъ на случай смерти и на дожитіе.
- Страхуваніе пенсій.

III. СТРАХОВАНІЯ ОТЪ НЕСЧАСТНЫХЪ СЛУЧАЕВЪ:

- Коллективныя — рабочихъ и служащихъ на фабрикахъ, заводахъ, горныхъ промыслахъ, въ сельскихъ и тѣсныхъ хозяйствахъ, при всякихъ строительныхъ работахъ, а также судовыхъ командахъ.
- Особныя — лицъ — отъ всякаго рода несчастныхъ случаевъ, какъ въ сферѣ служебной дѣятельности, такъ и внѣ таковой.
- Пассажирскія — отъ несчастій съ поездами желѣзныхъ дорогъ и пароходами, по пожизненнымъ полисамъ.

ПРАВЛЕНІЕ: ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ, МОРСКАЯ, 40.

Агенты во всѣхъ болѣе значительныхъ городахъ Имперіи.

— МЕСТЕРЪ-ТЕАТРЪ —

Невскій 65. * Телефонъ 12—72.

— Говорящихъ, поющихъ, концертирующихъ живыхъ картинъ. —

ЕЖЕНЕДѢЛЬНО СЕНСАЦІОННЫЯ НОВОСТИ!!

ГВОЗДИ СЕЗОНОВЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ТЕАТРОВЪ!!

Цѣны мѣстамъ: отъ 55 коп. до 1 р. 60 коп. Ложи 6 р. 50 к.

Спеціальный отдѣлъ: до 200,000 метровъ, продажи и проката новѣйшихъ фильмовъ и аппаратовъ.

РОЯЛИ ПИАНИНО

К. М. Шредеръ

С.-Петербургъ.—Невскій, 52, уг. Садовой.

КЛУБЪ

Членовъ Общества взаимнаго кредита приказчиковъ въ Ростовѣ на Дону приглашаетъ, на лѣтній сезонъ 1908 года, (съ 1-го мая по 1-с сентября) симфоническій оркестръ музыки въ 52 человѣка. Предложенія, съ назначеніемъ стоимости и состава инструментовъ оркестра, адресовать на имя клуба. 1—3

Извѣстна-ли вамъ
парфюмерія

ИДЕАЛЪ

Товарищества

„ГИГИЕНА“

въ С.-Петербургѣ,

Лиговская улица, д. № 123.

Туалетная вода, Духи, Мыло, Пудра
высшаго качества.

Воронежскіе Городскіе лѣтній и зимній театры

и сдаются въ аренду на:

первый съ 1 Января 1908 г., а второй съ 1 Мая того же года; за условіями обращаться въ Воронежскую Городскую Управу. Заявленія на аренду будутъ приниматься Управой до 29 Ноября. 2—2.

3-2 ОБЪЯВЛЕНІЕ.

За окончаніемъ 15 Мая 1908 года срока аренднаго договора, будетъ сдаваться въ аренду вновь для постановки спектаклей въ НИЖНЕМЪ-НОВГОРОДѢ городской „НИКОЛАЕВСКІЙ“ театръ, срокомъ на три года. Кондиціи и всѣ необходимыя справки можно получить въ Нижегородской Городской Управѣ въ присутственные дни и часы. Заявленія приниматься будутъ до 1 Января 1908 года.

ВСѢ ДАМЫ

лучшаго общества употребляютъ для
лица химически чистую гигиеническую

ПУДРУ Т-ва ГИГИЕНА.

Совершенно безвредна, прекрасно и незаметно причесаетъ, придаетъ кожѣ пріятную нежность и бѣлизну. Продажа при складахъ

С.-Петербургской ТЕХНО-Химической Лабораторіи

С.-Петербургъ, Лиговская, 123.—Продается всѣмъ.

Лучшаго качества по дешевымъ цѣнамъ:

Скрипки

въ 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75 р. и дорожко, народныхъ 3 и 4 р.

Смычки отъ 50 к. до 60 руб.

Гитары

въ 5, 6, 7, 10, 15, 20, 25, 30 руб. и дорожко.

Дешевый сортъ 3 р. 50 к.

Балалайки

5, 6, 8, 10, 12, 15, 20 р. и дорожко.

Народныя 1½, 2, 3 и 4 р.

Мандолины

хорошей итальянской работы

20, 25, 30, 40, 50, 75, 100, 125 р.

Болѣе дешевыя 4, 6, 8, 12 и 15 р.

Школы, самоучители и ноты для всѣхъ инструментовъ въ
большомъ выборѣ.

Прейсъ-курантъ № 13 бесплатно.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

С.-Петербургъ, Морская, 34. * Москва, Кузнецкій мостъ. * Рига, Сарайная, 5.